

Scientific Light

VOL 1, No 10 (2017)

Scientific Light (Wrocław, Poland)

ISSN 0548-7110

The journal is registered and published in Poland.

The journal publishes scientific studies,
reports and reports about achievements in different scientific fields.

Journal is published in English, Polish, Russian, Ukrainian, German and French.

Frequency: 12 issues per year.

Format - A4

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal.

Edition of journal does not carry responsibility for the materials published in a journal.

Sending the article to the editorial the author confirms it's uniqueness and takes full responsibility for possible consequences for breaking copyright laws

Chief editor: Zbigniew Urbański

Managing editor: Feliks Mróz

Julian Wilczyński — Uniwersytet Warszawski

Krzysztof Leśniak — Politechnika Warszawska

Antoni Kujawa — Uniwersytet Jagielloński w Krakowie

Stanisław Walczak — Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki

Eugeniusz Kwiatkowski — Uniwersytet Pedagogiczny im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie

Marcin Sawicki — Uniwersytet Wrocławski

Janusz Olszewski — Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Karol Marek — Uniwersytet Medyczny im. Karola Marcinkowskiego w Poznaniu

Witold Stankiewicz — Uniwersytet Opolski

Jan Paluch — Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

Jerzy Cieślik — Uniwersytet Gdański

Artur Zalewski — Uniwersytet Śląski w Katowicach

Andrzej Skrzypczak — Uniwersytet Łódzki

«Scientific Light»

Editorial board address: Ul. Sw, Elżbiety 4, 50-111 Wrocław

E-mail: info@slg-journal.com

Web: www.slg-journal.com

CONTENT

BIOLOGICAL SCIENCES

Khokhobashvili T.

BIOLOGY OF WATER OF THE RIVER ILTO OF ILTO
MANAGED RESERVE AND THE WAY TO ONCREASE
FISHERY PRODUCTS3

CHEMISTRY

Mahmudova Sh.

ON TOPICAL PROBLEMS OF PROGRAMMING5

PEDAGOGICAL SCIENCES

Temnikova M.

SKILLS OF THE PIMARY SCHOOL STUDENTS TO
SOLVE MATHEMATICAL TASKS FROM THE AREA
OF COMBINATORICS AND THE PROBABILITY
THEORY 10

Trinh Ngoc Hoang, Patapovich M.

TESTING AND EVALUATION OF LEARNING
ACTIVITIES OF STUDENTS IN THE CREDIT SYSTEM
OF EDUCATION AT VINH UNIVERSITY – VIETNAM
.....13

PHILOLOGY

Safarova L.

VERBS GRAMMATICAL CATEGORIES PROBLEM IN
MODERN ENGLISH 18

Alpatova S.

BACKGROUND OF INNOVATION ON CROSS-
CULTURAL DISCOURSE.....22

POLITICAL SCIENCES

Esenbaev A.

EVOLUTION OF INSTITUTE OF ELECTIONS IN
KYRGYZSTAN IN THE CONTEXT OF CREATION OF
NEW MODEL OF POLITICAL SYSTEM
(2005-2011).....26

BIOLOGICAL SCIENCES

BIOLOGY OF WATER OF THE RIVER ILTO OF ILTO MANAGED RESERVE AND THE WAY TO INCREASE FISHERY PRODUCTS

Khokhobashvili T.

Gogebashvili Telavi State University

Abstract:

Hydrobiology of the river Ilto of the Ilto Managed Reserve was surveyed. Research was carried out on two areas of the research territory. First research area is located at the height of 1500-1700m above sea level, and the second – at the height of 950-1400m above sea level. According to survey results, quite significant difference between the first and second research areas has been revealed.

Ilto Managed Reserve was established in 2003 [1]. It is located in Eastern Georgia, in the northern part of Akhmeta Municipality. The object of its protection is the unique plant of the Tertiary epoch – yew-tree. It occupies 7% of the Managed Reserve. Total area of Ilto Managed Reserve is 6971 ha [2]. The mentioned Managed Reserve is located at the height of 950-2200m above sea level [2]. The relief is presented in mesophilic form. From geotechnical point of view it creates a puckered system; there are stone heaps and blocks, slope inclination is 50-60 degree. The Managed Reserve belongs to the moderately subtropical zone; it has an average annual precipitation of 750mm, its average annual temperature is 12.3°C, annual duration of sunlight is 1350-2520h, and the vertical gradient of air ranges between 0.2 and 0.9.

The river Ilto originates from the high mountain of Ilto Managed Reserve. As a result of sediments lots of shallow and deep-water ravines flow into the river. It should be noted that Kitraskhevi and Biboskhevi are the right tributaries of the river Ilto; and Sakanaposkhevi, Chalambiskhevi, Chiriskhevi, Asuriskhevi and Sakvaviskhevi – the left tributaries of the river. This shows that 50% of the river Ilto is represented with the tributaries. It flows along the south - east border and is a 40km-long. Near Khorbalo wood it joins Alazani River as a right tributary.

We were interested in researching the hydrobiology of the river Ilto.

Research was carried out in three stages. On the first stage the depth of river-bed and physical qualities of the soil were researched; on the second stage – the velocity and temperature of water; and on the third stage – the aquatic biology.

The research was carried out on two areas of research territory. First research area was located at the

height of 1500-1700m above sea level, and the second – at the height of 950-1400m above sea level.

The research on the territory at 1500-1700m above sea level has revealed that the average depth of the river-bed of Ilto is 7m, medium width is 19m, and the granule-meter composition of ground is mainly represented with dense soils. On the same area of the research territory it was revealed that the river Ilto is fast enough. Its average speed is 1-3 m/sec. The foamy stream of water flows noisily into the river bed due to its great drop and high velocity of flow. It is characterized with less inflexibility, transparency and low temperature. Its average temperature is within 3-8°C. On the same research area the only species of fish – “trout” has been detected during the biological study of water.

The survey on the second research area within the height of 950-1400m above sea level has revealed that the river Ilto is curved linear in this area. The average depth of the river-bed of Ilto is 7m, and its average width – 27m. There is the same granule-meter composition of ground here; it is mainly represented with dense soils. The curved linear peculiarity of the river Ilto impedes the speed of river on this research area. The average speed of it is 1-5 m/sec. It is characterized by less inflexibility, transparency and slightly lower temperature compared with the first research area. Its average temperature is about 3-10°C. On the same research territory together with trout there have been revealed herring, varicorhinus, barbel and tadpoles during the biological study of water. There have also been detected lythophils.

The above-mentioned shows that trout is found in the upper part of the river ilto, in rapid flow of the river. Therefore, there is a great probability that the other species of fish can not put up with rapid flow of the river.

Table 1

Proportion of size and weight of the trout found in the river Ilto

Length	Average Weight	Number of Individuals
11cm	19g	4
14cm	24g	3
15cm	29g	2
17cm	42g	1
20cm	61g	2
20cm	67g	1

There are forest insects, ants, beetles, bedbugs and others detected in the content of the intestine of fish found in the river Ilto of the Ilto Managed Reserve; i.e. the part of the riverbeds covered with dense forest creates favorable conditions from the viewpoint of food products for the trout; as the main portion of enteromofauna is on the trees, part of which fall into the river under the influence of rain, wind and other natural phenomena and become the food for trout. Leaves, fallen into the river and other remains of the forest also create such a cover, that promotes the formation of food benthos of trout.

An artificial lake would create advantageous conditions for the protection and intensive breeding of trout

of the river Ilto, because according to the ichtiological data, the trout grows larger and breeds faster in the lake. It should also be taken into consideration that it is a unique fish as the fishery product as well as for amateur fishery. From esthetical point of view it will be one of the most significant sources for tourism development, especially for the popularization of natural and cultural heritage of the Ilto Managed Reserve on the international level.

References:

1. Protected Areas of Georgia. Workshop. p. 26, Tbilisi 2007
2. www.gccw.org

CHEMISTRY

ON TOPICAL PROBLEMS OF PROGRAMMING

Mahmudova Sh.

PhD, associate professor of Institute of Information Technology of ANAS, Baku

Abstract:

Particular problems encountered by programmers are reviewed in this study. Some indicators of statistical data on programmers working in the programming sector are analyzed. Distinctive characteristics of programmers working in the software engineering sector are explored. The information about modern technologies (big data, cloud computing, etc.) employed by programmers and programming languages for these tools are presented.

Keywords: Programming; programmer; programming languages; big data; data science

1.Introduction

Nowadays information community is gaining more and more growth. Computers change the form of human activity by affecting all the processes of society, including scientific researches, and enter into new fields of practice. People learn new technologies and apply them to various fields, thus it leads to creation and development of new modern systems and programming languages.

The professional people who deal with programming are called programmers. A programmer prepares algorithms and computer programs on the basis of special mathematical models. A programmer prepares various applications for calculating different operations on the basis of analysis of mathematical model and algorithms. Additionally, a programmer defines the structure of database, develops algorithms for automation of programming and so on [1].

Both practical experience and idea of a programmer are essential in programming. Programmers are generally divided into three categories:

1. Application programmer;

2. System programmer;

3. Web programmer.

It should be noted that, programmers also have specific problems and some of them are listed below:

1. They accept problems as personal drama, which appear during development of program;
2. They approach to programming process mechanically;
3. They try to solve problems before gaining all necessary data;
4. They don't solve the problem as customer describe [2, 3].

2. Some issues of programmers

Let's give some information about programmers. It should be noted that, programmers' age, sex, work experience and so on are analyzed by Stack Overflow (stackoverflow.com) survey agency on the basis of statistical data [4]. As fig.1 shows, according to statistics for 2016, programmers (25000 programmers) between 25-29 age dominate by interest rate.

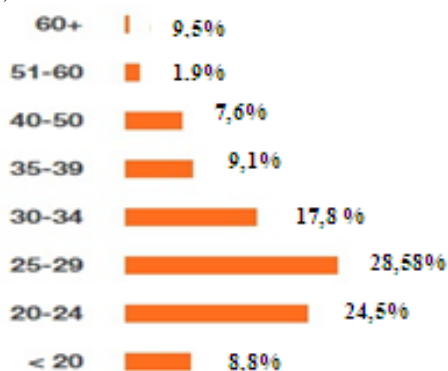

Fig. 1. Age indicators of programmers

As fig.2 shows, the majority of programmers working in programming are men with interest rates.

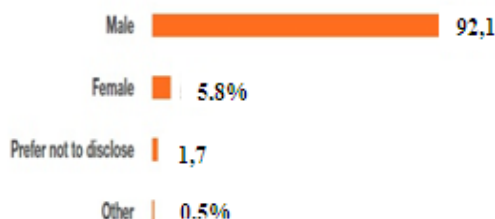

Fig. 2. Gender Indicators of Programmers

The diagram on fig.3 gives information about programmers' work experience. As the diagram shows, interest rate of programmers whose work experience is between 2-5 is maximum.

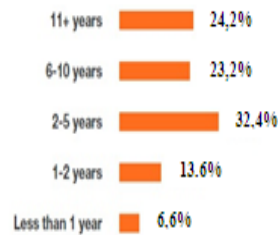

Fig. 3. Indicators of programmers' work experience

According to the diagram on fig. 4, which describes rating of programming languages used by programmers, interest rate of programmers who use Javascript programming language is high.

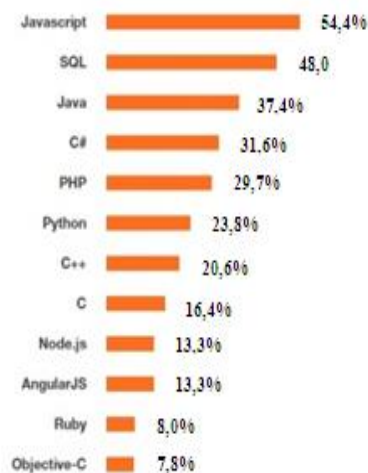

Fig.4. Indicates of programming languages

Programmers are exposed to many diseases associated with their profession. Their job is sedentary and less moving. In this regard, programmers can be weightier, they can have diseases like high arterial pressure, cardiovascular, atherosclerosis and so on. Sluggishness leads to diseases of the bearing-moving apparatus, and osteochondrosis, radiculitis, arthritis, and so on can be shown as an example. Active leisure is essential for the prevention of these diseases, the programmers should be engaged in sports. At the same time, certain sporting behaviors are needed in breaks. Permanent work with the keyboard creates chronic fatigue on fingers, then it can cause serious diseases on fingers and joints.

The work of the programmer is a source of nervous and mental illnesses. Loss of important information, malfunction of the computer causes the programmer to fall into stress, and it corrupts his nervous system.

It should be noted that, as the system programming requires constant mathematical calculations, it sometimes leads to mental illnesses and the treatment is being mandatory. Statistics shows that some of the students who are studying at technical high schools are so involved in this work that even their psyche is

broken. Healthy dream and a friendly family who supports the programmer are the best helpers in this case. The quiet work of the programmer, as seen, is actually very dangerous, but the correct assessment of dangers and healthy lifestyle minimize them [5].

There is a great need for good programmers to develop and manage new information technologies in military affairs. There are diverse directions in this area: from the establishment of information networks to calculations in the warehouses of the military unit.

Programmers try to solve complicated issues at a good level [6].

There are a number of differences between the programmer and prorangers working in software engineering (SE). Some of them are mentioned below:

1. Programmer writes a full program.

The SE programmer writes software components so that they can be combined with components written by other software manufacturers to build the system. Components written in SE can be changed by other programmers. In SE if the programmer leaves the project for a long time, other programmers can be used in the development of different versions of the system.

2. Firstly, programming is personal activity for programmer.

In SE it is commonly performance of whole team.

3. *Programming, for programmer, is just one of the aspects of software development.*

Large software systems in SE are developed similar to others, based on engineering-technical experience [7].

The programming areas of the programmers are extensive. Programming are used in various software development, web site creation, organization of office work and so on. Some fields are listed below:

1. Establishment of e-government;
2. Business and private areas;
3. Military, aerospace, robotics;
4. Development of web sites and applications;
5. Development of office programs;
6. Development of applications for cell phones;
7. Development of games and so on.

This is not a complete list of possible application areas of programming. Nowadays, almost all works are programmed practically, therefore profession of program product manufacturer is one of the most demanded.

In many areas where programming is used, there is no need to start with a new page because there are quite a few new technologies and they can be used successfully.

3. Modern technologies used in programming

As in every field, modern technologies are used in programming. Some of them are shown below:

1. Big Data;
2. Data Science;
3. Cloud computing;
4. Grid Computing and so on.

1. Big Data

In Information technology big data is series for approaches, tools and methods for structured and non-structured important and varied large-scale data processing and processed for human acquisition of effective results in continuous growth.

Mostly Hadoop, Python, Java, R and so on are used in big data. Some of the best software packages and programming languages available in this area are listed below [8].

1. Despite Julia is a new programming language, it is already popular enough, and its use in distributed systems is particularly effective.

2. SAS (Statistical Analysis System) software package is used in the analysis of big data.

3. Python is a generic high-level programming language targeted at simple reading of the code. At the

same time, the standard library includes large amounts of useful features.

4. R is a programming language which is used for development of graphical and statistical data. This language was developed in Bell Labs similar to C programming language.

5. The Scala language is used for data scientists.

6. MATLAB is an application to work with large numbers.

7. HiveQL is a query language, and it is designed for Apache Hive and Apache Hadoop.

8. Pig Latin language is intended for Apache Pig platform. It can be performed in Hadoop MapReduce [9].

We should note that Big Data University is currently operating in the USA. Various programming languages and other courses are taught there.

2. Programming in Data Science

Starting from 2010, data scientist is considered one of the most profitable, highly-paid and promising professionals [10].

Data Science is one part of informatics, studies analysis, processing of digit type data and other problems. It studies and integrates methods of processing large volumes of data in high-level parallel, statistical methods, intelligent data analysis and artificial intelligence methods, database design and development.

Big data analytics is centered on data science. Many public and private organizations have started to collect large amounts of data, which can provide useful information about problems. For instance, the use of large data technology in national intelligence, cybersecurity, marketing, and medical informatics has led to increased efficiency.

This subject was first formed in 1966. For the first time, this term was used by Danish scientist Peter Naur in 1974 [11].

He defined data science as a subject which studies life cycle of digit type data and clarified its connection with other subjects.

In the 2000s, the term Data Science was developed by American Professor William Cleveland.

By analyzing a large volume of data in all aspects of modern society, Big Data engages, investigates problems, and forms ideas about the science of data. Modelling and forecasting, modern software systems, programming, mathematical methods and so on are used in this area [12].

Fig. 5 illustrates the rating of the programming languages used in Data Science in 2016 [13]. As you can see from the chart, SQL prevails over others.

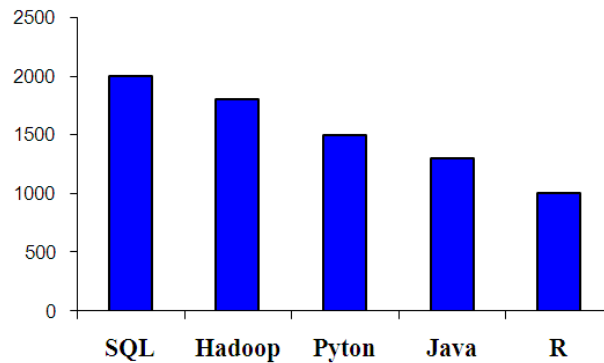

Fig. 5. Diagram showing the rating of programming languages used in Data Science

3. Cloud Computing

Cloud technology provides the creation and utilization of computer technology infrastructure and software directly in a network environment. With this technology, user data is stored in cloud systems, processing programs and reviewing results are provided [14].

According to the forecasts provided by the 2014 analytical center for IT technology (IDS-International Data Corporation, Fremgen, Massachusetts, USA), the cost of creating cloud technologies will increase from 56.6 billion (2014) to 127.5 billion (2018). 17% of annual expenditures to be spent on IT in 2017 will fall on cloud technologies [15].

Some of programming languages used for cloud computing are shown below [16]:

1. Java;
2. ASP.NET;
3. PHP;
4. Python;

5. Ruby;

6. Perl an so on.

4. Grid Computing

Grid Computing is a distributed computing system created by the combination of multiple computing nodes (servers, computers, etc.), which are used in the solution of a complex issue and are located in different organizations with the help of communication technology [17].

Some of programming languages used in Grid Computing are shown below:

1. Java;
2. C;
3. WSDL (Web Services Description Language);
4. XML;
5. Python, etc.

Fig. 6 presents a diagram showing the number of international conferences held in different countries in 2016 on the SE.

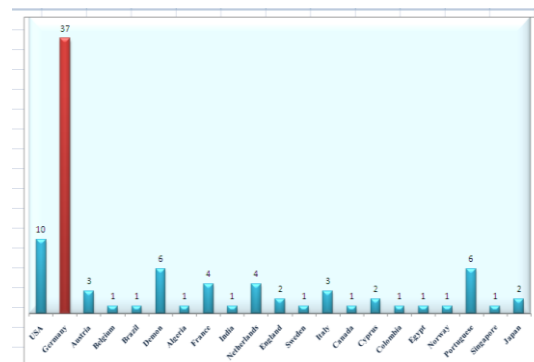

Fig.6. Number of international conferences on SE held in different countries

As you can see from this diagram, the name of the Republic of Azerbaijan does not exist. But hopefully, such conferences will soon be held in the Republic.

Conclusion

In this work, programmers and their problems, the use of modern technologies and so on were analyzed.

There are some recommendations for the development of SE in Azerbaijan. Some of them are mentioned below:

1. Firstly, children and youth should be interested in SE;
2. Conducting lessons on software engineering in schools, conducting additional trainings, setting up a

school of young programmers, etc. should serve this purpose;

3. SE must be strongly trained in higher education institutions. Because there is a great need for professional specialists in this field;

4. Preparation laws and decrees in the field of SE and their entry into force is indispensable;

5. A general concept on nation-wide level of software engineering should be developed;

6. The Azerbaijani specialists working abroad should be involved and their knowledge and experience should be used;

7. Experience in the SE field of foreign countries should be studied. Staff training should be carried out in foreign countries and so on.

References:

1. Mahmudova Ş. Məmtiyev K. Programlaşdırma və onun inkişaf mərhələləri, 2011, 112 s.
2. Солюянов В. «Проблемы программистов», <http://www.cmsmagazine.ru/library/items/programmin/g/problemy-programmistov/>
3. Рожников В. А. «Психология программирования: Цели, проблемы, перспективы», № 3, 2014, с. 18-21.
4. Stack Overflow: <http://ru.stackoverflow.com/>
5. «Болезни программистов, лечение и профилактика», <http://www.tiensmed.ru/programmer.html>
6. Уоппен Х. «Алгоритмические трюки для программистов», 2014, 506 с.
7. Software Engineering Vs. Programming: ,
8. https://www.ics.uci.edu/~ziv/ooad/intro_to_se/tsld008.htm
9. Najafabadi M., Villanustre F., Khoshgoftaar T., Seliya N., R. Muharemagic Wald, E., “Deep learning applications and challenges in big data analytics”, Journal of Big Data, USA, 2015, vol. 2, No.1, pp. 1-21.
10. Which freaking big data programming language should I use?.,
11. <http://www.infoworld.com/article/3049672/application-development/which-freaking-big-data-programming-language-should-i-use.html>
12. Analytics, Big Data, and Data Science Courses: , <https://bigdatauniversity.com/>
13. Data science: , https://en.wikipedia.org/wiki/Data_science
14. Smith F. J., “Data Science as an Academic Discipline”, Data Science Journal, 2006, vol. 5, No.19, pp. 163—180.
15. Muenchen R. “The Popularity of Data Science Software”,
16. <http://r4stats.com/articles/popularity/>
17. Castro D. “How Much Will PRISM Cost the U.S. Cloud Computing Industry?”, www2.itif.org/2013-cloud-computing-costs.pdf
18. Alguliyev R.M, Alekperov R.K. “Cloud Computing: Modern State, Problems and Prospects”. Telecommunications and Radio Engineering, 2013, vol.72, No.3, pp. 255-266.
19. Mell P., Grance T. “The NIST definition of cloud computing, 2010”, www.nist.gov/itl/cloud/upload/cloud-def-v15.pdf
20. Foster I., Kesselman C. “The Grid: Blueprint for New Computing Infrastructure”. Morgan Kaufman, San Fransisko, 1999, 438 p.

PEDAGOGICAL SCIENCES

УМЕНИЯ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ДЛЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ КОМБИНАТОРИКИ И ТЕОРИИ ВЕРОЯТНОСТЕЙ

Темникова М. П.

доктор, Тракийский университет,
Факультет педагогики, г. Стара Загора, Болгария

SKILLS OF THE PRIMARY SCHOOL STUDENTS TO SOLVE MATHEMATICAL TASKS FROM THE AREA OF COMBINATORICS AND THE PROBABILITY THEORY

Temnikova M.

Ph. D, Tracian University,
Pedagogy Faculty, Town of Stara Zagora, Bulgaria

Аннотация:

В данной статье исследуются умения школьников с 1-го по 4-й класс для решения задач комбинаторики и теории вероятностей, в зависимости от того, знакомы ли они или нет с особенностями работы с ними. В результате экспериментальной работы установлено, что возможна дополнительная методологическая работа для ознакомления учащихся с методом работы над задачами с комбинаторикой и теорией вероятностей. Данные показывают, что школьники успешно составляют комбинаторные соединения типа перестановок и повторяющиеся соединения и затрудняются компилировать соединения типа комбинаций и вариаций, правильно решают задачи теории вероятностей.

Abstract:

The article studies the skills of the Grade 1-4 students to solve mathematical tasks from the area of combinatorics and the Probability Theory depending on how familiar they are with the specifics of the work with them. As a result of the experimental work it was found out that additional methodological education will improve the skills of the students to work with mathematical tasks from the area of combinatorics and the Probability Theory. The results demonstrated that the students successfully construct combination expressions from permutation and variation type, they correctly solve tasks from the Probability Theory.

Ключевые слова: комбинаторика, теория вероятностей, обучение по математике

Key words: combinatorics, Probability Theory, education in mathematics.

Современное обучение по математике в 1 - 4 классах в болгарской школе основано на исключительно богатых традициях. На этом этапе своего развития оно ориентировано на демократизацию и гуманизацию начальной школы. Стремление обучения по математике заключается в том, чтобы обеспечить каждому ученику базовую математическую подготовку, а также умения выбирать, систематизировать, использовать и понимать информацию и применять ее.

Цель обучения по математике в первых классах состоит в том, чтобы через специфику математического содержания, организацию обучения способствовать всестороннему развитию личности маленького школьника. [9, с. 30]

Часто в жизни решаются задачи и проблемы, возникающие из комбинаторики и теории вероятностей. Это подразумевает их присутствие в некотором варианте учебной программы; что помогло бы утвердить унифицированный характер обучения по математике с первого по четвертый класс, расширить и углубить знания в области математики, повысить уровень математической подготовки школьников на уровне начальной школы. Они могут помочь построить математическое мировоззрение маленьких школьников, развить их логическое мышление, наблюдательность и внимание.

Проблема наличия задач с комбинаторикой и теорией вероятностей в начальной школе и методическая работа с ними недостаточно развита в нашей и зарубежной литературе, которая популярна в Болгарии.

Около XVII века комбинаторика была включена в раздел математики. Определение этой области математики дано В. Тончевым: “Комбинаторика - это раздел математики, в котором изучаются вопросы о том, сколько разных комбинаций, с учетом тех или иных условий, может быть взято из заданных объектов.” [8, с. 5]

Основными понятиями, на которых построена комбинаторная наука, являются перестановки, вариации, комбинации и повторяющиеся соединения.

“Под перестановками из нескольких различных элементов понимаются соединения, в которых все данные элементы задействованы одним способом и которые отличаются друг от друга только в местах своих элементов.” [1, с. 426]

Вариации –это второй тип комбинаторного соединения без повторения. “Под вариациями n-го элемента k-го класса мы подразумеваем соединения, каждое из которых содержит k элемент данных n элементов и которые отличаются друг от друга по элементам и по своим местам.” [1, с. 427]

“Под комбинациями n-го элемента k-го класса мы подразумеваем соединения, каждое из которых

содержит к элемент данных и отличающиеся друг от друга хотя бы одним элементом.”

Повторяющиеся соединения включают: повторяющиеся вариации, повторяющиеся перестановки, повторяющиеся комбинации. Информация о них и их свойствах доступна в различных источниках [4], [10].

Теория вероятностей – наука для вычисления вероятности случайных событий. “Вероятность – это числовая характеристика возможных появлений случайных событий при определенных условиях, которые могут воспроизводиться неограниченное количество раз.” [6, с. 37]

Балабанова и Динева делают следующее определение: “Пусть один опыт имеет n различных элементарных событий, т. е. $J = (E_1, E_2, \dots, E_n)$. Если $A = (E_1, E_2, \dots, E_m)$ – одно событие с m количеством благоприятных результатов, то вероятность этого события $P(A)$ называется отношением $m:n$.”

Более подробная информация о свойствах вероятностей и теоремах, действительных для них, имеется в источниках [1], [4], [7], [10].

Учебное содержание математики с 1-го по 4-й класс – это специфическая интеграция, синтез арифметических, алгебраических и геометрических знаний. Существование связи между арифметикой, алгеброй, геометрией и понятиями комбинаторики и теорией вероятностей, ограниченное и эпизодическое присутствие комбинаторных задач и задач Теории вероятностей в учебной документации с 1-го по 4-й класс являются предпосылками для проведения исследования.

В процессе обучения математике используются также некоторые пособия, кроме учебников и учебных тетрадей [2], [3], [11], [13] и другие. Они содержат различное количество комбинаторных задач и задач теории вероятностей и различных типов. Это еще одна предпосылка для работы над исследованием.

Поэтому целью настоящего исследования является изучение уровня знаний и умений учащихся с 1-го по 4-й класс для решения комбинаторных задач и задач теории вероятностей, в зависимости от того, знакомы ли они или нет с особенностями работы с ними.

Наша цель предполагает решение следующих задач:

1. Исследовать проблему в научной и методической литературе касательно развивающей функции задач, в том числе задач комбинаторики и теории вероятностей.

2. Создать систему задач, связанных с комбинаторикой и теорией вероятностей, для их включения в урочные и внеклассные формы работы, в соответствии с математической подготовкой школьников с 1-го по 4-й класс.

3. Исследовать уровень знаний и умений учащихся для решения комбинаторных задач и задач теории вероятностей без предварительной подготовки и после предварительного получения информации о некоторых особенностях работы с ними.

4. Провести сравнительный анализ результатов проведенных исследований.

Критерии и показатели для оценки результатов исследования следующие:

I Критерий: Умения составления соединений
Показатели:

- 1.1. Умения составления неповторяющихся соединений – перестановки, вариации, комбинации двух, трех или более элементов;

- 1.2. Умения составления повторяющихся соединений из двух и не более трех элементов.

II Критерий: Уровень знаний учащихся о десятичной численной системе позиционирования, а также знания и умения, связанные со строкой натуральных чисел.

Показатели:

- 2.1. Понимание значения чисел в качестве элемента ввода числа.

- 2.2. Знания о десятичной системе численного позиционирования и умения для представления различных типов чисел как суммы единиц разных строк.

- 2.3. Знания и умения для сравнения чисел до 100 и сортировки их в строке.

- 2.4. Знания и умения для сравнения чисел до 1000 и сортировки их в строке.

III Критерий: Знания и умения учащихся для выполнения арифметических операций сбора, вычитания, умножения и деления.

Показатели:

- 3.1. Знания и умения правильного и точного выполнения операций сбора и вычитания без переходов десятичным и с переходом к десятичным.

- 3.2. Знания и умения правильного и точного выполнения как таблиц умножения, так и умножения двузначных и трехзначных чисел на однорядное число.

- 3.3. Знания и умения для выполнения функции деления двузначных и трехзначных чисел на однорядное число.

Основным диагностическим методом в исследовании является дидактический тест.

Используются два теста для I, II, III и IV классов. Каждый из тестов включает 10 задач – 8 комбинаторных задач и 2 задачи теории вероятностей. Для составления всех типов комбинаторных соединений существуют две задачи. Задачи тестирования отсутствуют в любом учебнике, учебных тетрадях по математике, используемых в реальном процессе обучения. Они также не встречаются в дополнительных учебных пособиях, которые анализируются и чаще всего используются в I-IV классах.

Задачи тестов с 1-го по 4-й класс отличаются следующими особенностями:

- они предназначены для составления всех типов комбинаторных соединений и находятся в системе;

- в первом и втором тестах присутствуют равное количество задач перестановок, вариаций, комбинаций и повторяющихся соединений;

- задачи одного и того же типа имеют одинаковое количество элементов в соединениях, чтобы

сравнить работу учащихся по первому и второму тесту;

- за исключением задач для 1-го класса, для других классов элементы, участвующие в соединениях, являются только числами.

Все тесты для I, II, III и IV класса должны оцениваться последовательно на основе критериев и показателей, полученных из них.

Для каждого из трех совокупных критериев определяется «порог критерия», который составляет 75% от максимального количества баллов, полученных для каждого критерия.

В зависимости от того, достигнут ли порог критерия в решении индивидуальных тестовых задач, можно сделать вывод, смогут ли дети «справиться с задачей и будут ли знания и умения школьников начальной школы на уровне успешного решения задачи.»

Дополнительным методом, включенным в исследование, является письменный вопросник. Он предоставляется школьникам после двух тестов. Исследование проводилось со школьниками I Б, II Б, III В класса и IV Г класса Второй начальной школы «Петко Рачов Славейков» в г. Стара Загора.

Анализ результатов первого теста для I-класса показывает, что только одна задача достигла максимального количества баллов, более 75%. Это задача для составления повторяющихся соединений из трех элементов. Первоклассники не справляются успешно с другими задачами. Типичной допустимой ошибкой является составление другого типа комбинаторного соединения. Доступность таблиц задач облегчает работу детей.

При решении второго теста школьники успешно справляются с 6 комбинаторными задачами и 1 задачей теории вероятностей. Однако три из комбинаторных задач не достигают порога критерия. Они предназначены для составления перестановок из трех элементов и вариаций из трех элементов второго класса.

Второклассники из первого теста решают только одну комбинаторную задачу типа повторяющегося соединения из трех элементов. Произшедшие ошибки связаны с отсутствием соединения и повторной записи уже составленного соединения.

Из второго теста школьники не справляются с двумя комбинаторными задачами для составления соединения типа вариации из трех элементов второго класса и одной задачей теории вероятностей. Самая распространенная ошибка заключается в написании другого типа соединения с другим числом элементов или повторяющегося соединения. Второклассники пропускают объединение первого и последнего элемента из данных трех. Это показывает, что в принципе способ, которым производятся соединения этого типа для них ясен, но практического опыта недостаточно.

Школьники составляют соединения лучше, сравнительно с их работой по другим критериям и показателям. Они, похоже, забывают о дополнительном условии и не решают его, проявляют невнимательность.

Учащиеся третьего класса успешно решают пять задач первого теста, которые представляют собой трехэлементные перестановки и одну задачу теории вероятности. Трудности встречаются при решении задач типа повторяющегося соединения из четырех элементов, вариаций из четырех элементов и комбинаций из трех элементов.

Во втором тесте ученики третьего класса показывают высокие результаты. Они успешно решают все комбинаторные задачи и одну задачу теории вероятностей. При оценке каждого отдельного критерия ни одна из задач не дает процент от полученных баллов против максимума баллов менее 75%. Эпизодические ошибки связаны с написанием другого типа комбинаторного соединения.

С первого теста, четвероклассники успешно решают все задачи, кроме одной. Во втором тесте самый низкий процент полученных баллов против максимума составляет 93,4%, а для шести из задач этот процент составляет 100%. Дополнительные условия, поставленные в задачах, не затрудняли детей. В большинстве случаев они получают от 91,2 % до 94 % баллов из максимума. Серьезных упущений нет.

На основе двух анализов можно сделать следующие выводы:

- Школьники допускают большинство ошибок в задачах составления комбинаций и вариаций.

- По проведенных самостоятельных работах было установлено, что учащиеся не имеют навыков для решения комбинаторных задач и задач теории вероятностей.

- Самые высокие результаты достигаются при составлении соединений типа перестановок.

- Из общеобязательных знаний, учащиеся 4-го класса успешно используют знания о десятичной системе численного позиционирования и числах, и они помогают им в какой-то мере решить задачи.

- Данные показывают, что возможна дополнительная методическая работа для ознакомления учащихся с особенностями работы над задачами с комбинаторикой и теорией вероятностей.

При анализе опроса, проведенного со школьниками с 1-го по 4-й класс было установлено, что они выразили готовность работать над задачами комбинаторики и теории вероятностей. Они указывают, что для них самые легкие задачи по составлению повторяющихся соединений и перестановок. Они отмечают, что их задачи очень интересны.

Выводы, которые возникли в результате исследования:

- О комбинаторике и теории вероятностей существует достаточно теоретической литературы, которая может помочь учителю;

- В учебной документации и дополнительных учебных пособиях изложены частичные предпосылки для использования элементов комбинаторики и теории вероятностей. Но этого недостаточно для обеспечения системной согласованности в решении задач этих двух областей математики. Не следует упускать из виду возможностей комбинаторики и теории вероятностей для достижения целей

обучения математике и для реализации развивающего обучения;

- Благодаря таким задачам увеличивается интерес к математической науке, и стимулируется творческое, исследовательское начало каждого ребенка, расширяется математическое мировоззрение, развивается комбинаторное мышление;

- Повышается уровень математической подготовки. Это помогает развивать логическое мышление, обогащать детские идеи.

- Исследовательская работа также оказывает положительное влияние на школьников, побуждая их находить различные способы решения или различные способы записи одного и того же решения данной задачи;

- Решение задач в системе с обеспеченной взаимосвязью оказывает положительное влияние на успеваемость учащихся 1-4 классов;

- Работа с задачами такого типа имеет пропедевтическую функцию на основных понятиях комбинаторики и теории вероятностей, которые будут изучаться позже на уроках, в классах свободного выбора и факультативных классах.

Для того, чтобы математическое обучение было развивающим, важно развивать навыки и умения школьников, для использования уже приобретенных ими знаний и умений решения новых задач. Это также может быть достигнуто с помощью задач комбинаторики и теории вероятностей.

Одной из характерных особенностей когнитивной деятельности детей в овладении определенными математическими знаниями является «формирование абстракций на основе других абстракций.» [5] Эта особенность мышления также очень характерна при решении комбинаторных задач и задач теории вероятностей. Все это дает отражение

на реализацию процессов детского мышления – анализ, синтез, классификация и сравнение.

Список литературы:

1. Балабанова Р. Динева Е. Математика. – Б., 1995.
2. Банков К. Янчева Й. Маркова Ж. Любенов Л. Математические этюды для младших учеников. – Ст. Загора, 1991.
3. Георгиева Ст. Петрова Н. Сборник задач по математике во II клас. – Б., 1994.
4. Колягин М.Ю. Луканкин Г. Л. Основные понятия съвременного училищного курса по математике. – С., 1978.
5. Петров П. Методика обучения по математике в начальных классах (отражение взгляда по отношению умения решать задачи). – Ст. Загора, 2011.
6. Савин А.П. Энциклопедический словарь для средних учебных заведений. – М., 1984.IV
7. Сугарев З.С. Каменаров С. Теория вероятностей. - С., 1974.
8. Тончев Вл. Комбинаторные конфигурации – дизайны, коды, графики. – С., 1984.
9. Учебные программы по математике. - С. : МОН, 2017.
10. Цыпкин Г.А. Справочник по математике для средних учебных заведений. – М., 1984.
11. Чилингинова Л. Манова А. Сборник задач по математике для третьего классаначальной школы. – С., 1994.
12. Чимев К. Высшая математика и статистические методы. – С., 1990.
13. Шопова П. Внеклассная работа по математике во 2. – 4. клас. – С., 1992.

ТЕСТИРОВАНИЕ И ОЦЕНИВАНИЕ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ В КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ ВИНЬ – ВЬЕТНАМ

Чинь Нгок Хоанг

Кандидат ф.-м. н., *Университет Винь, Вьетнам*

Патапович М.П.

Кандидат ф.-м. н.,

УО «Белорусская государственная академия связи»

Беларусь

TESTING AND EVALUATION OF LEARNING ACTIVITIES OF STUDENTS IN THE CREDIT SYSTEM OF EDUCATION AT VINH UNIVERSITY – VIETNAM

Trinh Ngoc Hoang

PhD. in Physics and Mathematics,

Vinh University, Vietnam

Patapovich M.

PhD. in Physics and Mathematics,

Educational institution "Belarusian state Academy of telecommunications",

Аннотация:

В работе представлены состояние тестирования и оценивания, и новые характеристики в применении кредитной системы обучения в Университете Винь, во Вьетнаме. Рассмотрены следующие вопросы: формы контроля, ставка контролей в оценивании, шкалы оценки, и т.д.. Состояние тестирования и оценивания в Университете Винь указано на основе опроса отзывов преподавателей и студентов. В статье также обсуждены основные характеристики деятельности тестирования и оценивания в Университете Винь на основе нового правила данного университета.

Abstract:

The paper presents the state of testing and evaluation, and new characteristics in the application of credit system in education at Vinh University, in Vietnam. The following issues are considered: the forms of control, the rate of controls in the evaluation, the scales of assessment, etc. The state of testing and evaluation at Vinh University is indicated on the basis of a survey of the responses of teachers and students. The article also discussed the main characteristics of the testing and evaluation activities at Vinh University on the basis of the new rule of this university.

Ключевые слова: тестирование; оценивание; кредитная система обучения; контроль; кредит; балльная шкала; оценка; буквенная система; Университете Винь.

Keywords: testing; evaluation; credit system in education; control; credit; point scale; assessment; alphabetic system; Vinh University.

Кредитная система обучения – способ организации учебного процесса, при котором обучающиеся в определенных границах имеют возможность индивидуально планировать последовательность образовательной траектории. Это образовательная система, направленная на повышение уровня самообразования, творческого освоения знаний на основе индивидуализации, выборности образовательной траектории в рамках регламентации учебного процесса и учета объема знаний в виде кредитов. Учебные достижения обучающегося - знания, умения, навыки и компетенция обучающегося, приобретаемые ими в процессе обучения и отражают достигнутый академический уровень.

Основными задачами кредитной системы обучения являются:

- унификация объема знаний студентов;
- максимальная индивидуализация обучения;
- повышение роли самостоятельной работы.

Кредитная система обучения была впервые разработана Гарвардским университетом в США в 1872 году. К началу XX века кредитная система была широко принята в большинстве вузов США. Затем следуют Северная Америка, Япония, Филиппины, Тайвань, Южная Корея, Китай, Таиланд, Малайзия, Индонезия, Индия и другие страны. В 1999 году министры высшего образования 29 европейских стран подписали Болонскую декларацию с целью установления "Европейской зоны высшего образования" и применения кредитной системы во всей системе [1].

Кредитная система обучения в университете Винь

Во Вьетнаме в 2007 году Министерство образования и профессиональной подготовки обнародовало "Правила обучения в высших учебных заведениях в соответствии с кредитной системой" и применило его в учебных заведениях по всей стране [2].

С 2007-2008 учебного года, Университет Винь официально перешел на обучение по кредитной системе. На сегодняшний день в университете Винь, обучение по кредитной системе работает уже 10 лет и достиг многих значительных достижений. Чтобы добиться успеха, есть вклад деятельности по тестированию и оцениванию учебной деятельности студентов.

До 2016-2017 учебного года университет Винь и Вьетнамских других высших учебных заведениях, качество знаний по каждому предмету оценивается по балльно-рейтинговой системе на трех стадиях обучения:

- текущий контроль (выполнение заданий, посещаемость и проч.): на 10% итогового результата оценки;

- рубежный контроль (в виде теста, контрольной работы и т.д. после недели 7): на 20% итогового результата оценки;

- экзамен (если количество баллов на текущем и рубежном контроле недостаточно, то студент не допускается до экзамена): на 70% итогового результата оценки.

Для текущего контроля, преподаватель обычно основывается на посещаемости, духе участия студентов в классе, обсуждаемых часах, подготовке домашних заданий, и т.д. [3].

Для рубежного контроля, преподаватель может проверять один или несколько раз в течение курса со соответствующим сроком и формой. Такой контроль поможет преподавателю узнать уровень информированности студента и помочь учащимся стать более активными в учебе. Для многих предметов преподаватель оценивает промежуточные результаты на основе индивидуального и группового представления по каждой заданной проблеме.

Для итогового экзамена основная форма, которую обычно использует преподаватель, - это письменный экзамен. Кроме того, существуют формы устных экзаменов и домашних заданий [4].

Как оценивают студентов университет Винь?

В 2017 году исследовательская группа провела опрос о состоянии тестирования и оценивания в Университете Винь и Вьетнамских других высших учебных заведениях [5]. Используя прямо-опросник и инструмент «GoogleDocs»¹, опросили отзывы преподавателей и студентов о текущем контроле, рубежном контроле и итоговом экзамене. Для формы контроля задали вопрос: *Какими формами оценивают рубежный контроль и итоговый экзамен?* Результаты: 94% респондентов выбрали «письменный» для рубежного контроля и 98% для итогового экзамена (рис. 1).

¹ Инструмент компании GOOGLE, позволяющий использовать для онлайн-опросов

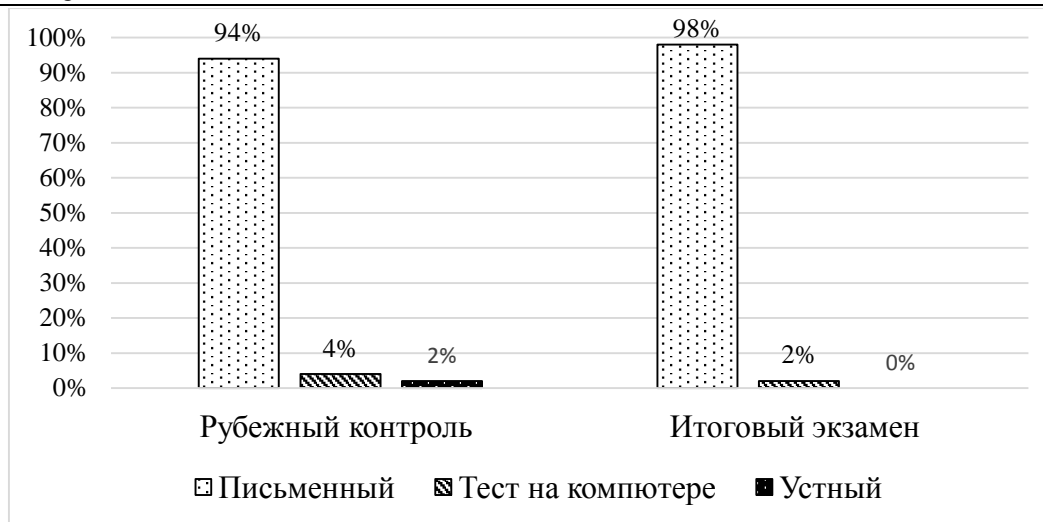

Рис. 1. Диаграмма, показывающая формы применяемых контролей

Для вопроса: *Какие контроли следует проводить через «Тест на компьютере»?* Результаты: 88% респондентов выбрали «Рубежный контроль» (рис. 2).

Рис. 2. Диаграмма, показывающая типы контролей надо проводиться через «Тест на компьютере»

Таким образом задали вопрос: *В настоящее время, оценка текущего контроля на 10%, оценка рубежного контроля на 20%, оценка итогового экзамена на 70%. По вашему мнению, является ли эта ставка разумной? Если нет, как её настроить?* Результаты: 80% респондентов считали, что

данная ставка является неразумной; 73% респондентов выбрали «Увеличение» для ставки оценки рубежного контроля, 67% респондентов выбрали «Снижение» для ставки оценки итогового экзамена (рис. 3).

Рис. 3. Диаграмма, показывающая желания ставок оценки типов контролей

Контроль знаний и умений выполняет методическую функцию. Его процесс и результаты очень важны для совершенствования работы самого преподавателя. Контроль позволяет оценить методы преподавания, увидеть его сильные и слабые стороны, выбрать оптимальные варианты обучающей деятельности.

Контроль дает необходимый учебный и воспитательный эффект при соблюдении ряда требований [3].

Контроль должен быть: планомерным и систематическим, объективным, всесторонним, индивидуальным, педагогически тактичным [4].

На основе научных аргументов и данных результатов опросов статуса тестирования и оценивания в Университете Винь и Вьетнамских других высших учебных заведениях. С 2017-2018 учебного года университет Винь решил изменить некоторые правила в тестировании и оценивании учебной деятельности студентов. В частности:

Контроль и оценка знаний студента, обучающегося по кредитной системе, обучения осуществляется по балльно - рейтинговой системе (цифровой и буквенной системе). Он включает в себя текущий контроль, домашний контроль, рубежный контроль, и итоговый экзамен со соответствующими ставками 10%, 20%, 20% и 50% [6].

Текущий контроль - систематическая проверка учебных достижений обучающихся по каждой теме и/или разделу учебной дисциплины, проводимая преподавателем, ведущим учебные занятия. Ставка текущего контроля составляет 10% итогового результата оценки.

Домашний контроль составляет 20% итогового результата оценки и предполагает самостоятельное выполнение студентом 2 - 3 письменных творческих заданий.

Рубежный контроль - периодическая проверка учебных достижений обучающихся, прово-

димая согласно утвержденному академическому календарю преподавателем, ведущим учебные занятия. Рубежный контроль знаний студентов составляет 20% итогового результата оценки и проводится преподавателем на определенных сроках академического периода.

Итоговый экзамен - проверка учебных достижений обучающихся, проводимая после завершения изучения учебной дисциплины, в период промежуточной аттестации по завершению академического периода. Формой проведения итогового экзамена является экзамен: устный, письменный, тестирование. Ставка итогового экзамена составляет 50% итогового результата оценки.

Для теоретической дисциплины определение итогового балла оценивания учебной деятельности студента производится по формуле (1):

$$B = b_1 \cdot 0,1 + b_2 \cdot 0,2 + b_3 \cdot 0,2 + b_4 \cdot 0,5 \quad (1)$$

Для дисциплины, включающей в себя теорию и практику, определение итогового балла оценивания учебной деятельности студента производится по формуле (2):

$$B = b_1 \cdot 0,1 + b_2 \cdot 0,2 + b_3 \cdot 0,2 + \frac{b_4 \cdot m + b'_4 \cdot n}{m + n} \cdot 0,5 \quad (2)$$

Где:

b_1 – балл текущего контроля,

b_2 – балл домашнего контроля,

b_3 – балл рубежного контроля,

b_4 – балл итогового экзамена теории,

b'_4 – балл итогового экзамена практики,

m – число кредитов теории,

n – число кредитов практики.

В данных обоих случаях баллы поставлены в 10-балльной шкале и округлены до десятичной [6].

Итоговый результат, характеризующий уровень овладения студентом учебной дисциплины, отражается в экзаменационной ведомости в соответствии с оценочными параметрами балльно - рейтинговой системы (10 - балльной системы, 4 - балльной системы и буквенной системы оценки) (Таблица 1).

Таблица 1

Таблица перевода 10-балльной шкалы в 4-балльную шкалу и буквенную систему [6]

10-балльная шкала	4-балльная шкала	Оценка в буквенной системе	Классификация
8,5 – 10,0	4	A	Отлично
8,0 – 8,4	3,5	B+	Хорошо
7,0 – 7,9	3	B	
6,5 – 6,9	2,5	C+	Удовлетворительно
5,5 – 6,4	2	C	
5,0 – 5,4	1,5	D+	
4,0 – 4,9	1	D	Неудовлетворительно
< 4,0	0	F	

Также, с 2017-2018 учебного года, Университет Винь будет применять тесты на компьютере (или онлайн-экзамены) на основе разработки набора экзаменационных вопросов по предметам.

Заключение

Таким образом, благодаря этой статье, состоящие тестирования и оценивания учебной деятельно-

сти студентов в кредитной системе обучения некоторых университетов во Вьетнаме, в том числе Университета Винь, предварительно рассмотрено. Соответственно, применение какой формы контроля, оценка по какой ставке, сколько контролей, используя какие шкалы оценки, и т.д. являются поднятыми вопросами.

В Университете Винь, с 2017-2018 учебного года, используют 4 контролей в оценке: текущий контроль, домашний контроль, рубежный контроль, и итоговый экзамен со ставкой 10%, 20%, 20%, 50% соответственно. Используемые формы контроля: письменный, тест на компьютере, устный, в том числе тест на компьютере рекомендуется для использования. Во время процесса тестирования и оценивания Университет Винь применяет и 10-балльную шкалу, и 4-балльную шкалу и буквенную систему. 10-балльная шкала является традиционной во Вьетнаме; Применение 4-балльной шкалы и буквенной системы с таблицей перевода облегчит учащимся доступ к программам обучения многих зарубежных университетов и международному сотрудничеству в обучении.

Существует много вопросов, связанных с тестированием и оцениванием при обучении в рамках кредитной системы в Университете Винь, например, организация контролей, обработка результатов тестирования и оценивания, разработка набора экзаменационных вопросов, организация онлайн-экзаменов, и т.д.. В этой статье мы не можем упомянуть всех, надеясь, что в следующей статье будут рассмотрены упомянутые выше проблемы.

Список литературы

1. Le Quang Son, Teacher education – the case of the Federal Republic of Germany, Journal of Science and Technology, Da Nang University, No. 5(40), Vietnam, 2010, pp. 267-274.
2. Правила обучения в высших учебных заведениях в соответствии с кредитной системой, Министерство Образования и Профессиональной Подготовки, Вьетнам, 2007.
3. Зильгараева А. К., Шабанова А. Р., Формы контроля теоретических знаний студентов, Молодой ученый, №6, 2012, с. 393-395.
4. Жексембекова В.А., Алинова М. Ш., Контроль учебных достижений обучающихся как фактор внедрения кредитной системы обучения в условиях модернизации казахстанского общества, Астана, 2009 - 137с.
5. Trinh Ngoc Hoang, Nguyen Thi Nhi, The situation of test and evaluation of credit-based training at some higher education centers, Journal of Educational Equipment, special number, Vietnam, november 2016, pp. 91-95.
6. Правила высшего учебного обучения к CDIO в рамках кредитной системы в Университете Винь, Вьетнам, 2017.

PHILOLOGY

ПРОБЛЕМА ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сафарова Л. А.

*Доктор философии по филологии, научный работник, Нахчыванское
Отделение Национальной Академии Наук Азербайджана*

VERBS GRAMMATICAL CATEGORIES PROBLEM IN MODERN ENGLISH

Safarova L.

*Ph doctor of philology, scientific worker, Nakhchivan Branch of
Azerbaijan National Academy of Science, Nakhchivan city*

Аннотация:

В статье говорится о грамматических категориях глаголов в современном английском языке. О каждой категории дается короткая общая информация. Говоря о личных и неличных формах глагола, ряд лингвистов выделяют категории лица, числа, наклонения, времени, залога. Можно сказать что, большинство книг по грамматике по вопросам категории глагола в основном придерживаются единого мнения. Но почему-то в некоторых книгах не указывается категория вида или же дается категория временной отнесенности.

Отмечается, что одной из категорий определяющих глагол, является категория лица. Грамматическое лицо, в зависимости от семантического и грамматического значения, суффиксов, утвердительной и отрицательной, личной и неличной формы имеет свое содержание и способы выражения. Это связано с выполнением действия, называемым глаголом со стороны определенного лица, другими словами невозможно осуществление объективных действий без исполнителя. Даже в неличных предложениях, хоть и формально, но все-таки имеется подлежащее.

Так как действие является объективной составной частью материального существа, то и его исполнитель является объективным. Лицо, как и действие, является исторической категорией. Нет такого языка, глагол которого без лица и времени не нашёл бы свою языково-речевую форму. Существование этих двух категорий для глаголов всех языков и смысловые планы носит универсальный характер. Разница может быть лишь в количестве и виде способов выражения в зависимости от грамматического строения языка. В английском языке исполнительное лицо и его заменитель (лицо, знак, неопределенные или другие местоимения) употребляются вместе с глаголом – языковым показателем их действия.

Дается краткая информация обо всех видах. Говорящий общим видом просто доводит до сведения слушающего факты в настоящем, прошедшем, будущем времени. Глаголы, употребляемые в общем виде, являются в превосходстве. В то же время надо отметить, что увеличивается число глаголов, употребляемых в продолжительных формах времени.

Как уже известно, философско-объективное время вне зависимости от нашего сознания существует в трёх формах: прошедшем, настоящем и будущем. Понятие логического времени носит универсальный характер, то есть является одинаковым для всех народов. Грамматическое время зависит от грамматического строения языка. В английском языке каждая форма логического времени выражается четырьмя формами грамматического времени. Поэтому в английском языке формы времени выражаются как 4+4+4, то есть каждая форма логического времени выражается четырьмя формами грамматического. Иногда формы времени достигают 16, даже 17.

Надо также рассказать об одной из основных категорий – категории залога. Рассматривая исследования в этой области, становится ясно, что, говоря о категории залога глагола, между лингвистами имеются расхождения в двух вопросах. Одна из них – сколько форм глагола имеется в современном английском языке. Вторая – во всех ли случаях выражение to be + VP выражает неопределенность. Число форм глагола показывается от двух до пяти: определённая, неопределённая, возвратная, взаимная, средняя. Но в основном выделяют две формы: определённая и неопределённая.

Категория временной отнесенности является двухчленной системой состоящей из оппозиции завершённого (perfect) действия в незавершенном действии (non-perfect). Следовательно, завершённые действия используются для выражения действий закончившихся до определённого момента в настоящем, прошедшем и будущем времени. Надо отметить, что эта двухчленная оппозиция также выражает себя в неличных формах глагола.

Здесь также выявляются и обсуждаются мнения лингвистов об этих категориях.

Abstract:

The paper deals with the grammatical categories of the Modern English language. General brief information is given about each of the categories. While dealing with the finite and non-finite forms of verbs, some linguists

present category of person, number, mood, tense, voice, and aspect. In most grammar books the views on categories of verbs are equal as a whole. But for some reason or other the category of mood is not presented, or additionally the category of correlation is given.

It is noted that one of the characterizing categories of the verb is the category of person. The grammatical person exists with its content depending on both the semantic and grammatical meaning types, suffixes, negative and affirmative, finite and non-finite forms of verbs, and with expressing means. This is related with fulfilling the action the verb called by names, in other way, with impossibility of objective actions without doer. There is a subject in non-finite sentences even if it is formal. As the action is the structural part of objective, material being the existence of its fulfillment is objective, as well. Person is also historical category as action. There is no any language that to form its language-speech form without person and tense. The existence and content plans of these two categories for the verbs of all languages are universal in character. The difference may be in quantity and kind of expression ways depending on the grammatical structure. The performer person himself/herself and its substituting (person, sign, indefinite and other pronouns) are used by language indicator verbs of action they carried out.

The information is given on each aspect briefly. In common aspect the speaker simply brings any fact in present, past and future tenses to listener's notice. The verbs used in common aspect relatively dominate. At the same time, the verbs using in the continuous tense forms are increasing incessantly.

As it is known the philosophical-objective tense exists in three forms irrespective of our conscious: past, present, future. The logical tense conception carries a universal meaning, viz it is the same for all nations. But grammatical tense depends on the grammatical structure of each language. The English language expresses each of the logical tense conception in four grammatical tense forms. For this, tense forms are in 4+4+4 form in English, that is each logical tense is expressed in four grammatical tense forms.

The category of voice, one of the main categories of verb must also be touched upon. While having a look at the researches in this field it becomes clear that there exist difference of opinion on two questions among linguists. One of them is the verb to have several voices in English. And the second is the combination "to be + PII" in all cases to denote passiveness or not. Voices of verbs are given to five: active, passive, reflexive, mixed, middle. But mostly, two voices, active and passive voices are taken.

The category of order-time correlation is two parted system consisting of the opposition of perfect action in non-perfect action. So, perfect actions denote to express the actions taken place in present, past and future tenses to a definite time. It must be noticed that, the two parted opposition bring out itself just as in non-finite forms of verb.

The linguists' standpoints on the very categories are brought to light and given careful consideration to their opinion here.

Ключевые слова: глагол; категория; лицо; время; вид; наклонение

Key words: verb; category; person; tense; aspect; mood

As in every language there exist theoretical problems in English. While looking through the English verbs we come across the disagreements in the field of verb categories. Generally, five categories are taken by the linguists: the category of person, the category of number, the category of aspect, the category of tense, the category of voice, the category of mood.

While dealing with the finite and non-finite forms of verbs, some linguists present category of person, number, mood, tense, voice, and aspect [16, p. 115–116; 17, p. 141]. In most grammar books the views on categories of verbs are equal as a whole. But for some reason or other the category of mood is not presented [15, p. 135–137], or additionally the category of correlation is given [13, p. 20].

The information given on the category of person-number draws attention according to both content and its comparison. Now, we shall somewhat enrich the information on the category of person and number.

As we know, one of the characterizing categories of the verb is the category of person. The grammatical person exists with its content depending on both the semantic and grammatical meaning types, suffixes, negative and affirmative, finite and non-finite forms of verbs, and with expressing means. This is related with fulfilling the action the verb called by names, in other way, with impossibility of objective actions without

doer. There is a subject in non-finite sentences even if it is formal. Eg. It rains. It is hot.

So, as the action is the structural part of objective, material being the existence of its fulfillment is objective, as well. Person is also historical category as action. There is no any language that to form its language-speech form without person and tense. The existence and content plans of these two categories for the verbs of all languages are universal in character. The difference may be in quantity and kind of expression ways depending on the grammatical structure. The performer person himself/herself and its substituting (person, sign, indefinite and other pronouns) are used by language indicator verbs of action they carried out.

While touching upon the category of person E. Benvenist notes that the unity of verb and personal pronoun is important for presenting category of person [3, p. 259]. The category of person shows itself in the conjugation of verbs according to persons.

M. Huseynzadeh's note on the category of person is interesting. He notes that as every matter and action is carried out within certain time, it must also be fulfilled by a definite person. The attitude of matter and action towards person appears in formal omens that these formal omens consist of category of person suffixes indicating separate persons [8, p. 197].

Presenting the category of person and number, the category of mood, the category of tense, the category of

voice, the category of aspect O.Musayev notes that Modern English personal pronouns are both subject and expression way of category of person and number characteristic of verb. He also notes that the category of person is the weakest developed category of verb. Almost there is no any independent morphological means to express this category. But in Old English verbs had been classified according to person and number. This classification had occurred both in the present and past tense forms [1, p. 68].

As before mentioned, owing to the changes in history of the English language English had gradually developed from synthetism into analytism and a good deal of suffixes had faded away. One of them is the personal suffixes of verb. So, the person conception (category) of verb in Modern English is realized with the language unit used only in the position of subject. In other words, the use of subject in in Modern English two-member sentences is absolute.

The conception of person in Modern English manifest itself in the present and past tense forms by the forms of “to be”, by the verb “to have (has)” and in the III person singular in the present indefinite tense form (speaks) and partly in the use of verbs “shall/will” in the future tense form. But these are not enough to indicate the person. Just because the very reason this problem must be especially taken into consideration while teaching process. The compare is interesting: Eg: I (you/he/she/we/they) worked.

Summarizing the conceptions on the category of mood O.Musayev comes to the conclusion that as the category of mood has no any concrete way of expression there exist points of view differing from each other substantially on its essence. In addition we should note some nuances. While touching upon the essence of the category of mood B.S.Khaymovich and B.I.Rogovskaya divide the points on this into four main groups: 1. Aspect is presented as a grammatical category. 2. In modern English aspect is not presented as a separate category. 3. Aspect does not act as a separate category of verb, but by the category of tense. 4. The category of aspect and tense are known as separate categories

D.Hashimov notes that the action is carried out in four aspects: 1) Generally the action is carried out repeatedly (Common aspect – I go to school). 2) The action is in progress (Continues aspect – I am going to school). 3) The action has completed. 4) The action has been in progress and completed (Perfect Continues aspect – He has been reading for two hours). [7, p. 101]

O.Musayev approaches the category of aspect from the standpoint of tense form of verb. Surely, all the categories of verb realize by its proper tense forms. At the same time, the verb used in any tense form denotes the time and the aspect of action.

We should like to give information on each aspect briefly. In common aspect the speaker simply brings any fact in present, past and future tenses to listener's notice. The verbs used in common aspect relatively dominate. At the same time, it must be noticed that the verbs using in the continuous tense forms are increasing incessantly. Related with this, Q.A.Veykhman notes that the verbs using in continues tense forms increase

uninterruptedly [14, p. 89]. And he adds that actually hardly there exist any verbs not to be used in the continuous tense form. In the continuous aspect the action takes place within a definite time as a rule [21, p. 188].

Temporal vocabulary helps more distinct expression of special meaning of verbs tense form. At the same time temporal vocabulary attends directly to indicate the time coherence changing the meaning of verb form [19, p. 74].

As a rule, from the completion point of view the perfect aspect is also opposed to the general aspect, acts as the other side of the opposition: to take – to have taken.

Although the perfect continuous aspect denotes the action to be in the process from the standpoint of continuing time differ from it.

D.Hashimova notes that it is not so easy to systematize the usage situations of different time-aspect forms of verbs, especially to elucidate their functional-pragmatic potential. In this sense, it is more expedient the time-aspect forms to be searched from the textual linguistics standpoint, to be more precise, from the functional grammar point of view [7, p. 105].

O.Musayev notes that as in the category of aspect the time category peculiar to the English verbs has no separate morphological way of expression. This conception seems polemical in a sense [17, p. 97]. As for us the polemic rising reason is that O.Musayev identifies philosophical-logical time concept and grammatical tense forms in a certain extent. In this content A.Akhundov notes that grammar does not make a tense by itself, it only notes the objective tense reflected in human's conscious with its special formal vestiges in language, and therewith render it much more concrete. Therein the objective and grammatical tenses having equal abutment differ from each other in a certain extent. Grammar specifies the tense that action or state taken place by definite omens in grammatical point of view. This conception is rather interesting and reflects the reality exactly [2, p. 4].

As it is known the philosophical-objective tense exists in three forms irrespective of our conscious: past, present, future. The logical tense conception carries a universal meaning, viz it is the same for all nations. But grammatical tense depends on the grammatical structure of each language. For instance, the English language expresses each of the logical tense conception in four grammatical tense forms. Especially for this, tense forms are in 4+4+4 form in English, that is each logical tense is expressed in four grammatical tense forms. Tense forms in the Azerbaijani language are expressed as 2+1+2, in Russian as 1+1+1 form.

Therefore, we can come to such conclusion that each grammatical tense form has its way of expression.

We assent with O.Musayev's conception that the tense form and aspect of verb are reflected in the same grammatical means. And we should like to add that all the categories of verb are reflected in any tense form indeed. For example, in the sentence of “I read a book” the verb “read” unites the following meanings in itself: person – first person singular, aspect – common aspect, tense form – present indefinite tense form, voice – active voice, mood – indicative mood.

There is no unanimous opinion on the number of tense forms in Modern English. F.Jahangirov gives 16 tense forms in his research work [11, p. 12]. I.P.Ivanova searching on English verbs for a long time does not introduce the forms of "future in the past" as separate tense forms. He notes that "Future in the past" forms cannot be used out in the mutual relation with the past tense center. In this case the syntactical dependence does not give any tense meaning to the subject of subordinate clause. This is why it is more expedient to use Dependent Future instead of the term "Future in the past" [9, p. 167; 10, p. 66]. Coming out the last standpoint we can come to such conclusion that there exist 12 tense forms (4+4+4) in the English language. The uses of the dependent forms must be approached as the sequence rules of tenses.

A.Guliyev introduces 16 active and 17th, planned future tense form in his manual [6, p. 105].

The category of voice, one of the main categories of verb must also be touched upon. While having a look at the researches in this field it becomes clear that there exist difference of opinion on two questions among linguists. One of them is the verb to have several voices in English. And the second is the combination "to be + PII" in all cases to denote passiveness or not. Voices of verbs are given to five: active, passive, reflexive, reciprocal, middle. But mostly, two voices, active and passive voices are taken [17, p. 97]. About the second question, which meanings the combination "to be + PII" denote there are two standpoints. G.N.Vorontsova notes that the combination "to be + PII" denotes the meaning of passiveness in most cases, because there is passiveness in the verb itself, at least [22, 234–235]. Basing on A.I.Smirnitskiy's point of view B.S.Khaymovich and B.I.Rogovskaya note that all verbs do not have their active form at all [12, p. 128]. Therefore the standpoint noted is unilateral one-sided. Expressing his opinion on the very question M.Y.Blokh notes that if the combination "to be + PII" denotes action then passive voice is dealt with, the combination denotes state in this case compound predicative. He gives examples:

1. The door was closed by the butler softly as could be.
2. The door on the left was closed. [4, p. 183]

The combination denotes action in the first sentence; this is why PII appears as a component of passive voice. Just for this PII appears as predicative of complex predicate. This must be taken notice while teaching proeses.

Most Azerbaijanianscientists do not mention the very typical category of the English verbs; this is "the category of order-time correlation".

The category of order-time correlation is two parted system consisting of the opposition of perfect action in non-perfect action: takes – has taken, took – had taken, shall take – shall have taken [12, p. 130]. So, perfect actions denote to express the actions taken place in present, past and future tenses to a definite time. It must be noticed that, the two parted opposition bring out itself just as in non-finite forms of verb: to write – to have written, writing – having written.

For the first time A.I.Smirnitskiy touched upon this category. Basically, perfect forms have been taken

as the main part of the opposition and named this category as "the category of time correlation" [18, p. 28]. B.S.Khaymovich and B.I.Rogovskaya have carried A.I.Smirnitskiy's concept on and named this "the category of order" [12, p. 133].

Certainly, determining perfect forms both in finite and non-finite forms assume great importance. Because there do not exist separate perfect forms in the Azerbaijanian language. Therefore, while teaching it should be appeared from the typology of quality, that is to say the expression ways of perfect forms in Azerbaijani characteristic to English must be determined correctly.

It becomes once more clear from the above mentioned points of view on the verb that the verb properly differs from the other parts of speech according to its lexical capacity and mono-functionality. This arises from the action to lead it to leading, organizing position in speech. Irrespective of the place the verb occupies in the sentence it has always kept its main importance. Entirely as a result of this considering the main role of the verb in the sentence most European linguists called it live or dead. No coincidence, Wilhelm von Humboldt considers "the heart of the sentence" [20, p. 199].

Mentioning the importance of the parts of speech, Wallace Chafenotes that sentence takes the most important position in the syntactical doctrine, and in the sentence the verb. As each of the sentences are formed on base of the predicative element. He names the predicative element as verb and the nominative element as noun. He notes the verb as the center of the sentence and the noun as secondary class unit [5, p. 114].

So, in most languages, including in English the verb, its tense forms, also non-finite forms of the verb play an important role in forming speech.

References:

1. Abdulrahimov E.H. The History of the English language. – B.: Mutarcim, 2005.
2. Akhundov A.A. Tenses of the Verb. – B.: ADU named after S.M.Kirov, 1961.
3. Benvenist E. General Linguistics. – M.: Progress, 1974.
4. Blokh M.Y. A course in theoretical English grammar. – M.: Visshaya Shkola, 1983.
5. Chafe W.L. Significance and Structure of Language. – M.: Progress, 1975.
6. Guliyev A.Y. English (for matriculants). – B.: MBM Press, 2009.
7. Hashimova D.A. On the Verbs Category of Mood in Modern English. – B.: Scientific News of ADU, 2008.
8. Huseynzade M.H. Modern Azerbaijanian Language. – B.: Maarif, 1973.
9. Ivanov I.P. Aspect and Tense in Modern English. – L.: Izdatelstvo Leningradskogo Universiteta, 1961.
10. Ivanov I.P., Burlakova V.V., Pocheptsov G.G. Theoretical Grammar of Modern English. – M.: Visshaya Shkola, 1981.
11. Jahangirov F.F. System of Perfect Tenses in English and its expression in Azerbaijanian. – B.: Elm, 2007.

12. Khaymovich B.S., Rogovskaya B.I. A course in English grammar. – M.: Visshaya Shkola, 1967.
13. Kobrina N.A., Korneyeva E.A., Ossovskaya M.U., Guzeyeva K.A. An English Grammar. Morphology. – M.: Prosveshenie, 1985.
14. Machina O.A. Some Structural-Semantical Features of Aspect Functioning Verb Forms in American English during XIX – XX Centuries. MSUL News. – M.: 2004.
15. Maharramov L.I., Mammadov G.G. Lexical, Grammatical Materials and Tests in English. B.: Elm ve Tehsil, 2011.
16. Mammadova M.M., Yunusov D.N. English Grammar. – B.: Adiloglu, 2011.
17. Musayev O.I. English Grammar. – B.: Maarif, 2007.
18. Smirnitkiy A.I. Perfect and Category of Time Cotelation. Foreign Languages in Schools. – M.: 1955.
19. Tahirov I.M. Category of Tense in English and Azerbaijanian. – B.: Nurlan, 2007.
20. Veykhman G.A. Some new and less known phenomenons of English Grammar (Syntax). Foreign Languages in Schools. – M.: 1983.
21. Veykhman G.A. New in Modern English. – M.: Astrel. AST, 2006.
22. Vorontsova G.N. Essays on English Grammar. – M.: Izdatelstvo literaturi na inostrannix yazikakh, 1960.

ОСНОВЫ ИННОВАЦИЙ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИСКУРСЕ

Алпатова С. Д.

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

Москва

BACKGROUND OF INNOVATION ON CROSS-CULTURAL DISCOURSE

Alpatova S.

candidate of science associative professor,

Moscow State Linguistic University

Moscow

Аннотация:

В работе показана эмоциональная основа неологизмов в русском и английском языке. Анализируются различные способы формирования новых единиц. Однако, внимание концентрируется на их происхождении как результат прогрессивного развития общества. В основе методологии используется тесное взаимодействие когнитивного, эмотивного и информационного подходов к исследованию неологизмов. В статье подчеркивается наличие связи между лексикализацией концептов и знания в самом широком смысле этого понятия.

Abstract:

The paper focuses on the emotive origin of neologisms in the Russian and English languages. The ways new words being coined are different, but much attention is paid to their origin as consequences of progress and development of society. A new methodology of inventing new words, which combines cognitive, emotive, and informative approaches, is demonstrated here. Taking into account that lexical structure encodes the way we comprehend the world around us, a close relationship between lexicalization of concepts and knowledge in its broad sense is highlighted in the paper.

Ключевые слова: неологизмы; эмоции; концепты; когнитивный подход; культура

Key words: neologisms; emotions; concepts; cognitive approach; culture

Neologisms and certain groups of the 'inkhorn' innovations have continued to appear in modern languages. Some of them have appeared in the standard dictionaries, acknowledged Legislators of the lexicon, others have not readily accepted into the language. Nevertheless, both do exist in our life and have an impact on its development.

A neologism refers to a recently created or coined word, phrase, or usage, which can be attributed to a specific individual utterance, publication, and event or to some social convention. A good example of the latter is new data on 'trade-last' presented by John F. Clark in his article [1, 20].

Many new lexical units appear in the speeches of those people, who want to express their ideas in some original way so that they can attract someone's attention to themselves. One of the latest examples of that kind is the well-known phrase 'hyphenated relationships' created by Condoleezza Rice during her trip to Asia in an interview with Shirvaj Pasad of *NDTV*. The

phrase means 'an exclusive relationship between two parties that is detrimental to a third one'. It was used by Condoleezza Rice on reassuring India about the sale of F-16 to Pakistan: "If you look at it in terms of the region, what we are trying to do is break out of the notion that this is a hyphenated relationship somehow, that anything that is good for Pakistan is bad for India and vice versa" [6]

Structurally neologisms may be of different kinds: a word, a phrase, a clause, and abbreviation.

- **Put me in coach** has nothing to do with traveling by coach, but indicates what you say to the coach when you are warming the bench, but you **want to go in so you can win the game**.

- **Chop-chop** means **quickly, without delay**. It has originated from Cantonese **kap** meaning **fast**.

- **KGB**. The new meaning of KGB would be especially interesting to a Russian language speaker to whom the word definitely rings the bell in the meaning 'the secret police of the former USSR'. The new

meaning of the word appeared on the basis of abbreviation **KB (kind bud)**; **KGB** could mean **kind good bud**, but actually means **marijuana with a high THC content**[7]

It has become evident that the ways new words being coined are different. Some of them are formed according to the existing models in languages. Others may enter the word stock as borrowings from other languages.

The number of such words in Russian has increased greatly due to the well-known social, economic and political changes in Russia.

- **Impeachment** – "... to put on the agenda the issue of president's impeachment"[3].

- **Oligarch** "Some observers have already called RSPF 'a trade union of oligarchs'"[9].

- **Tricolor** – the three-colored Russian Flag. "Those seven years from 1993 to 2000 the tricolor, the double-headed eagle, and the patriotic song by Glinka worked against the Constitution" [4]

It is important to emphasize the fact that all these new words have enlarged the Russian language, reflecting some important events in Russian history. But most of them are phonetically and morphologically adapted to Russian, and their semantics is transparent in discourse.

Neologisms have been already subjected to a close examination. Thanks to that there are those which are rarely possible to define even their basic meaning with absolute certainty both in Russian and English.

- **Come to Jesus**. This is an emotional expression (**life changes**), it has evoked to mean **a serious argument**, one that better result in a change of actions or else.

- **Da ladno**. This is also a kind of expression in Russian; its meaning depends on the context whether you agree or disagree with your interlocutor. "He comes from Italy. Da ladno, we were born and finished school together in Siberia."

This is because the nature of language is such that words have 'blurred edges', their meanings are negotiable and are only realized in specific contexts. Nevertheless, they have something in common. According to W. Warner (2007), new words appeared due to "human technology" through emotions when people "confer upon technology a merely instrumental role by understanding ... face to face communication" [11, 2]

These emotions bring 'life' to the experience of those who hear or receive some lexical innovation. If the sound form of a neologism does exist in the language it fosters people to identify and compare its meaning with those familiar to them. Its improper context gives rise to the ambiguity of the innovation, which in its turn requires, first, its wider context and then its conceptualization.

Consider e.g. **baller**. The meaning of the noun 'baller' registered in dictionaries[5] is 'a basketball player'. But no longer then several years ago it also used to be a neologism, coined by clipping. The original form of the word was 'basketballer', which simply meant 'a particularly talented basketball player'. For

the sake of convenience the word was probably shortened, and later its meaning was shifted and appeared to be applied to a wider variety of talented people.

Thus the context of the 'baller' and, the words 'real' and 'chemistry' in particular, helps a reader to understand that in the sentence: 'He is a real baller when it comes to chemistry' **the baller** implies something different. This is quite understandable since the perceiver experiences a change when something new appears on his emotional and mental horizon, and he subsequently goes from a state of unawareness (ambiguity) to awareness, relating the neologism to what seems to be interpreted first of all emotionally (slang, jargons, nonce words) and then sensibly. To quote W. Warner, it looks absolutely the same as we try to use the twentieth-century innovative terms 'interface', 'network', etc. in another context:

"My use of the terms in an eighteenth-century historical context will open me to various charges: that I am using anachronistic jargon; engaging in an over-loose expansion of terms that have a rigorous but restrictive sense in contemporary computing, and finally, developing an overly abstract formalization of specific Enlightenment era communication practices" [11, 17].

As for ambiguity, it produces different effects on the communicator. On the one hand, it might be misleading, especially when old meaning 'coexists' with the new meaning and the latter not only doubles his attention but also lures him to look into the context, and helps to relate the new word to a specific field. On the other hand, it enriches his perception, and shows whether he has enough knowledge and linguistic awareness to understand the true sense of a new word or expression.

Frag. The word 'fragment' originated from Latin 'fragmentum' which means 'a fragment, a remnant'. The verb 'frag' was first attested in 1970 as the US military slang.

E.g. "Fragging is a macabre ritual to murder their superiors ..."[7]

The change of meaning of the word happened due to the development of computerization. It has been extended and applied to the field of computer games. It is now used as both a noun and a verb **to kill someone's character in any fashion or with a fragmentation grenade**.

As we can see emotive connotation associated with the word **frag** brings an observer back to the experience suggesting a direct mapping of similarities between a bomb when it explodes and a fragmentation grenade or exactly its "consequences" in the video game. The importance of the relationship between the two notions (bomb, grenade) cannot be overstressed, and is actually in direct correlation with the fact that the source of information is the outside of the world which has to be processed and made sense of.

One of the principle ways by which we make sense of our world is by sorting out people, objects, events, etc. into categories. Language is linked to reality through conceptual representation and categorization [2, 63-90]. The mental object is precise. But difficulties begin when we have to apply our mental objects to realities or rather adjust them to our mental schema. This

is just the case with innovative nomenclatures. The example given above proves the fact that sometimes it is enough to compare the meaning of the word with those that already exist in the language – a metaphorical origin of linguistic innovation. In order to understand such lexical units it is necessary to investigate their ‘systematicity’ as one comprehends them in terms of existing rules (systems). As for emotions they are created by the process of metaphorisation and by including the observer in the process who will be able not only to indicate the direction and symmetry of the metaphor but also identify the difference. As Pert (1997) says:

“This is a very important concept in information theory, because including the observer in the equation admits a new level of intelligence to the system. In the old metaphor, we ignored the observer in an attempt to avoid any taint of subjective interference in determining reality. In the new metaphor, the observer plays an important role in defining the reality, because it is the observer’s participation that makes the difference!” [8,257]

These findings testify to the conclusion that neologisms being subjunctive by their origin are emotional by their essence as new lexical units formalize the relations between images they produce (innovation) and experience (reality) familiar or unfamiliar to the observer.

Neologisms may also belong to something less comprehensive; therefore, their origin cannot be processed without a wide context or without consulting special dictionaries. Let us consider the following examples: **a frog hair (money spent on election campaign) and a walking corpse (a loser)**[7]. This kind of neologisms leads us to argue that innovation does not always evoke or invoke an immediate experience of the world, but reinvents imagination by breaking down intuitions and giving it a new order. That kind of “reconciliation” of the contraries (a ‘frog’ and ‘hair’, on the one side, and ‘walking’ and ‘corpse’, on the other) produces some images independently and making the observer through the displacement of one opposition by another express a new idea, which is not as it is, at first, the property of the external world until it enters the word-stock of the language. Moreover, in different languages they may correspond to different ideas, images.

The exact translation of the unit **a walking corpse** into Russian is **khodjatchy trup, khodyachaya tenj**. As it is shown, they do not correspond to each other. In Russian it does not mean ‘a political or any other loser’ but ‘a very sick or thin person’. Although, it is important to see that in both languages the units are emotionally colored, and their difference lies in the experience.

The observation of this kind enhances sensitivity to language and its uses and can give insights into such issues as national stereotypes and cultural identity. It is a well-known fact that different cultures put different emphasis on values and their worldviews are diverse in many respects. Therefore, one must be cautious while trying to define the origin of new borrowings or non-equivalent items (like **perezagruzka resetting**: Hillary Clinton – Sergei Lavrov[10]. It means that no one simultaneous existence of the same neologism in different

languages (Russian, American) will be postulated as a necessary condition for the fusion of some cultures. They would rather be explained by similarity of their political conditions, customs, traditions, i.e. by identity of some separate elements of culture. There is no ground for regarding such neologisms as the examples of some domination of one culture over the other.

Despite the existence of a great number of borrowings and non-equivalent units, the core system of culture (language), and everything that reveals its essence (traditions, customs, beliefs, morality, conventional mode of people’s behavior, etc.) remain stable and unique.

The given examples illustrate that languages and cultures may remain uneven, and the so-called drift towards the great world languages seems to be utopian. E.g. the Russian innovation **prostavljatjsys (to give money for a drink to celebrate something)** does not completely correspond to the English one **to pay your footing (to give entry money for being allowed to put your foot in the premises occupied by fellow-craftsmen)**. The difference lies in different customs, traditions (cultures). You can hardly imagine the Russians going Dutch when they invite their guests to their festivity. In dealing with these cases, one can operate on the assumption that native speakers (observers) are aware of their basic cultural peculiarities, which cannot be changed because of the appearance of something new in their language. If source and target cultures diverge, communicators have to decide depending on the function of interpretation if the cultural reference or implication can be left as it is or has to be explained, changed or replaced by a target culture equivalent.

As for non-equivalence, this phenomenon proves that language is only a rich source of foreign culture information. The task is to evaluate its role in the lexicon. The semantic and emotional ‘weight’ of the non-equivalent neologisms signals that they are predominant in the worldview at that moment.

The non-equivalent unit **fengshui** indicates that Chinese geomancy has become very popular in the world today because of most people’s ambition to live in harmony with nature.

As for **narcoterrorism** it is coined of two separate words **narcotic** (illegal drugs that affect the mind in a harmful way) and **terrorism** (the use of violence such as bombing, shooting or kidnapping to obtain political demands). Thus, **narcoterrorism** is associated with a violent crime carried out as a by-product of the illicit manufacture trafficking, or sale of drugs, especially against any individual or institution attempting to enforce anti-drug laws.

This neologism has entered the word-stock of different languages. As a kind of explanation we may hold that it is because of the assumption that this crime has spread all over the world and only joint measures might help to cure nations of the vice.

Being emotional by its essence the new word **narcoterrorism** is characterized by negative connotation that doubles its emotive effect. This is just one of the reasons why this neologism appeared as non-equivalent in many languages. Its emotional coloring expresses the situation while its meaning interprets the situation.

Thus, it could be argued that there exists a kind of correlation between the degree of emotiveness that neologisms pervade on the observer and the quality of neologisms selected by one nation (culture) or by different nations (cultures). Such correlation provides evidence that sometimes much depends on the types of emotions that new words can express. But one thing is of primary importance that among emotions associated with neologisms there are common or universal ones.

References :

1. Clark J.F. (1983). The Vainglorious *Trade-Last*: a Reappraisal. *American Speech. A Quarterly of Linguistic Usage*, Spring 1983, pp 20-30.
2. Faber P. & Pérez C. (1997). Image Schemata and Light: a Study in Contrastive Lexical Domains in English and Spanish. *Folia Linguistica*, vol.36 pp 63-98.
3. Komsomolskaya Pravda, April, 2001.
4. Literaturnaya gazeta, May, 2001.
5. Longman (2001) Dictionary of Contemporary English (1776pp). Pearson Education Limited, Edinburgh.
6. NDTV, March 2005.
7. New Words in English. Google Directory. Retrieved daily from <http://www.owl.net.rice.edu/~ling215/New Words>.
8. Pert C.B. (1997) Molecules of Emotion. Why You Feel the Way You Feel (367pp). London: Simon & Schuster Inc.
9. Rossijskaja gazeta, June, 2000.
10. Saturday Review, January 8, 1972.
11. Warner W.B. (2007). The Invention of a Public Machine for Revolutionary Emotion: the Boston Committee of Correspondence. *Department of English, USB*, (electronic version), pp 1-42.

POLITICAL SCIENCES

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ВЫБОРОВ В КЫРГЫЗСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ ПОСТРОЕНИЯ НОВОЙ МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА (2005-2011)

Эсенбаев А. Э.

к. полит. н., доцент

Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики,

EVOLUTION OF INSTITUTE OF ELECTIONS IN KYRGYZSTAN IN THE CONTEXT OF CREATION OF NEW MODEL OF POLITICAL SYSTEM (2005-2011)

Esenbaev A.

PhD in Political Science, associate professor

The Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic,

Аннотация:

В данной статье рассматривается путь политической модернизации, предполагающей трансформацию политической системы Кыргызстана: видоизменение политических институтов, создание новой нормативно-правовой базы формирования государственной власти и управления. Заявленный политический курс на модернизацию страны продолжался в течение 20 лет. Проводимые изменения сопровождались ростом авторитарных тенденций, нашедших свое выражение в беспрецедентном усилении влияния президентской власти А. Акаева, падении политической роли парламента, значительном ухудшении социально-экономической обстановки в стране. Результатом такой политики стал стремительный рост социального недовольства, вызванный также тем, что, вопреки заявлениям властей, ожидаемых изменений в жизни страны так и не произошло. Растущее недовольство привело к событиям марта 2005 года, которые принято называть «революцией Тюльпанов». Основным смыслом произошедшего следует рассматривать в контексте дальнейшей эволюции политической системы в Кыргызстане.

Abstract:

This article looks at the way of political modernization, which assumes the transformation of the political system of Kyrgyzstan: the modification of political institutions, the creation of a new regulatory and legal framework for the formation of state power and government. The declared policy of modernization of the country lasted for 20 years. The changes were accompanied by the growth of authoritarian tendencies, which were reflected in the unprecedented increase in the influence of the presidential power of A. Akayev, the fall of the political role of parliament, and the significant deterioration of the socioeconomic situation in the country. The result of this policy was a rapid growth of social discontent, also caused by the fact that, contrary to the statements of the authorities, the expected changes in the life of the country did not happen. Growing discontent led to the events of March 2005, which are commonly called the "Tulip Revolution". The main meaning of the incident should be considered in the context of the further evolution of the political system in Kyrgyzstan.

Ключевые слова: политическая система, политический процесс, выборы, предвыборная кампания, избирательная система, демократия.

Keywords: political system, the political process, elections, campaign, election system, democracy.

События марта 2005 года придали новый импульс модернизационному процессу в стране. Объективно они стали своеобразным рубежом постсоветского развития, обозначившим серьезные дисфункции в ходе адаптации общества и государства к внедрению либеральной идеологии в качестве основы политической системы общества.

События, произошедшие в марте 2005 года в Кыргызстане, положили начало распространению «цветных» революций на Центрально-азиатский регион. Ранее подобные революции произошли в Грузии и в Украине. В сущностном значении понятия под термином «цветной революции» понимают происходящую на постсоветском пространстве замену эволюционной по своей сути динамики смены политических элит на сценарии силового их свержения, отстранение от власти правящих сил (кланов) под непосредственным воздействием не только внутренних, но и внешних факторов, влияющих на развитие стран.

Сама интенсивность распространения «цветных» революций в этот период приобретает опасную тенденцию экстраполяции их воздействия на другие государства региона, что создает основу через эффект резонанса для перманентного их воспроизводства. События, получившие название «цветных революций», актуализируют целый комплекс связанных с ними угроз и вызовов стабильности и безопасности, как отдельной стране, так и региону в целом.

В последнее время в обыденном политическом дискурсе термином «революция» явно злоупотребляют. Это ведет к определенной путанице в трактовке самого понятия и использовании понятийного аппарата. Нашумевшие события в некоторых странах постсоветского пространства, в том числе и в Кыргызстане, многие их участники и наблюдатели поспешили окрестить «революциями», придав этому слову разнообразные поэтические атрибуты, хотя идущие там трансформации даже отдаленно

не напоминают подлинные социальные революции, причем не только по своим темпам и содержанию событий, но нередко и по способам их осуществления.

Каковы были причины, которые вызвали массовые радикальные выступления, оформившиеся в «Революцию Тюльпанов» в Кыргызстане? Ответ следует искать, по нашему мнению, в особенностях процесса модернизации в регионе, прежде всего в том, что внедрение в политическую и экономическую жизнь общества западных моделей наслаивалось на специфику исторического и социально-культурного развития Центрально-азиатской страны, осуществляющей трансформацию советской системы. Рост недовольства среди различных групп населения был обусловлен целым комплексом факторов, которые позволили спровоцировать эскалацию выступлений.

Прежде всего, протестные настроения сформировались среди политических деятелей, утративших возможность влияния на государственные решения; среди деловых слоев, столкнувшихся с серьезными препятствиями на пути развития своего бизнеса и угрозой захвата его семейной властью и фаворитами А. Акаева; среди демократической общественности, наблюдавшей откат от демократических ориентаций и ценностей; среди молодежи, терявшей возможность продвижения по профессиональной и социальной лестнице. Сопряжение протестов всех этих групп недовольных с высокомерием и нежеланием элит изменяться, вступать в диалог с обществом, реагировать на общественные запросы и вызовы в рамках действующих демократических процедур обернулось тотальным отторжением существующего режима и создало критические условия для государственного переворота.

Основной движущей силой выступило население страны, доведенное до крайности бедностью и непонятными для него политическими играми, происходившими до, во время и после выборов. Позже к ним присоединились представители правоохранительных органов. Географически в основном это были представители южных областей страны, поддерживавшие своих, южных кандидатов и политиков. Что касается идейного наполнения движения, то эту функцию взяла на себя оппозиция. Кыргызская оппозиция не имела единой политической платформы, представляя собой группу бывших партийных и государственных деятелей, по той или иной причине оказавшихся неугодными А. Акаеву, а потому лишенных доступа к льготам и привилегиям, которые несут с собой государственные посты. Потерпев поражение на парламентских выборах, в том числе благодаря нарушениям законодательства и злоупотреблениям со стороны власти и желая реванша, оппозиционеры сумели увлечь за собой толпы простых кыргызов, недовольных своим уровнем жизни, и использовать их в своих целях.

События, произошедшие в Кыргызстане в марте 2005 года, очень трудно оценивать в парадигме классической теории революции. Многие

аналитики и ученые считают, что в стране произошел бескровный переворот, закончившийся тривиальной сменой власти. В то же время, несмотря на то, что термин «тюльпановая революция» объективно противоречит сути произошедших событий, некоторые эксперты считают данное понятие приемлемым для их обозначения. Основным аргументом сторонников этой точки зрения состоит в том, что в результате мартовских событий власть перешла в руки оппонентов существовавшей власти. Однако данный аргумент, с нашей точки зрения, нуждается в корректировке.

Главное отличие «тюльпановой» революции в Кыргызстане от общепринятого классического подхода заключается в объективном несоответствии процесса развития и достигаемых целей. Например, в восточноевропейских государствах революция такого рода развивалась по классическим канонам процесса генезиса и целевых установок осуществления революций, главной из которых является не только смена правящего режима, но и комплексное, глубинное изменение модели государственного и социального развития. «Тюльпановая революция» реализуется исключительно для обеспечения политических и экономических интересов элитарных групп, в целях осуществления смены власти [1].

События 24 марта 2005 года в Кыргызстане свидетельствовали о глубоком системном кризисе, выражающемся в следующем:

- отход от системы конституционных сдержек и противовесов в пользу увеличения полномочий Президента, что привело к разбалансированности власти и ослабление роли парламента, правительства, суда;
- глубоко укоренившиеся в стране коррупция, семейственность и клановость, пронизывавшие всю систему социальных, политических и экономических отношений и обременительность для общества содержания коррупционной системы;
- отход от системы конституционных сдержек и противовесов в пользу увеличения полномочий Президента, что привело к разбалансированности власти и ослабление роли парламента, правительства, суда;
- отсутствие эффективной системы управления страной, утрата чувства реальности в среде управленческой элиты страны;
- противоречия между севером и югом, обострившиеся засильем «северян» в органах власти и управления. На фоне этих противоречий - слабость центральной власти и органов правопорядка;
- систематические нарушения конституционных прав граждан, принципа свободных выборов, свободы развития политических партий и движений, свободы СМИ;
- отсутствие связи политических реформ с экономическими и социальными преобразованиями [2].

Весь этот комплекс проблем привел к политическому перевороту, именуемому «революцией Тюльпанов», и привел к власти тогда новых людей. Мы говорим именно о новых людях, поскольку кардинальных перемен в политической системе, не

считая «косметических изменений» и смены персоналий на различных государственных должностях, по существу не произошло, а тенденция усиливалась быстрым темпом в худшую сторону, по сути это привело к кровавым «апрельским событиям» 2010 года.

Событие 7 апреля 2010 года свидетельствовали глубоко укоренившиеся в стране:

- кризис сложившейся авторитарно-клановой системы управления государством, которая оказалась неподконтрольной общественным институтам, глуха к потребностям общества и интересам развития страны, закрытость существовавшей политической элиты;

- процесс узурпации государственной власти и приватизации всех государственно-стратегических объектов страны;

- коррупцию, семейственность и клановость, пронизывавшие всю систему социальных, политических и экономических отношений;

- систематические нарушения конституционных прав граждан, принципа свободных выборов, свободы развития политических партий и движений, свободы СМИ;

- отказа от прямой демократии и переход к совещательной демократии;

- очередное заказное убийство невыгодных властям журналистов, политиков и т.д.

Политолог Б. Устименко считает, что «революция» явилась результатом не только организованного массового недовольства прежней властью, но и результатом всеохватывающей реконфигурации прежнего элитного консенсуса. Смена власти в условиях более или менее свободного политического соперничества, происходящая в рамках легитимного поля, - это возможность для всех группировок и политических сил реализовать свои амбиции по закреплению в структуре власти, в первую очередь достичь доминантного положения. По мнению автора, нежелание уходить или же намерение режима продолжить себя в преемнике, безусловно, резко интенсифицируют деструктивные внутривнутриполитические процессы, и, прежде всего, свою собственную изоляцию. Осознание отсутствия перспектив прихода к власти в рамках существующей вертикали отношений порождает спирализующееся в своей интенсивности сопротивление, основополагающим инструментом которого и становится «революционный» переворот.

Все сказанное позволяет сделать вывод, что, несмотря на активные социальные выступления в марте 2005 года против авторитарного режима А. Акаева, названные «революцией Тюльпанов», имевшие своей целью ускорить процесс политической модернизации страны, характер режима остался прежним. Бакиевский режим представлял собой копию режима А. Акаева с новыми персоналиями в лице высших государственных чиновников и отчасти бизнес - элиты. Такая преемственность объясняется тем, что:

- после мартовских событий, сохранилась прежняя система государственного управления, не

менявшаяся с советских времен, основанная на региональном представительстве и клановости, отсутствует система рекрутинга кадров на высшие государственные посты новых людей;

- новая элита, пришедшая к власти в своем политическом видении будущего Кыргызстана, не отличалась от старой, и в большинстве своем не имела желания дальнейшей политической модернизации, боясь потерять власть.

В Кыргызстане в полной мере продолжал проявляться все пять кризисов, выделяемых политической наукой - идентичности, легитимности, участия, проникновения и распределения, а именно: режим после «мартовских революций» показал очень высокую степень преемственности, по отношению к старому режиму. Это не позволяет говорить о формировании новых тенденций, явлений, традиций в политическом пространстве Кыргызстане, хотя произошел опыт смена власти силовым путем. Степень участия населения страны и оппозиции в политическом процессе в Кыргызстане остается незначительной, а в некоторых случаях даже сократилась. Роль традиционной системы отношений и коммуникаций как внутри политической элиты, так и по каналам «элита – население» не изменилась, а способ принятия общественно-значимых решений не претерпел значительных изменений.

Подводя итог можно сказать, что за период прошедший с момента так называемой «революции Тюльпанов» в марте 2005 года по 7 апреля 2010 года произошел возврат к типу и системе политического устройства, существовавшей до 24 марта 2005 года. Это не позволяет говорить о каком-либо процессе политической модернизации системы с 2005 по 2010 годы. В то же время, процесс консервации режима не позволил спровоцировать нескончаемые конфликты президента и парламента, что способствовало определенной политической стабильности в жизни страны.

Падение 15-летнего режима А. Акаева и 5-летнего режима К. Бакиева подвели черту под первым и вторым этапом посткоммунистической трансформации на пространстве СНГ. Их содержание определялось стремлением бывшей советской элиты превратиться в новый правящий слой общества, основанного на рыночной экономике и управляемой демократии.

Поскольку абсолютное большинство населения посткоммунистических стран СНГ было вынуждено бороться за собственное выживание, то власть и значительная часть государственной собственности за бесценок были монополизированы узким слоем новой политической элиты, а бюрократические институты оказались практически выведенными не только из общественного, но и государственного контроля. Такая политика привела к выхолащиванию сути демократических принципов и процедур, появлению феномена «двойных стандартов». Широкое применение административного ресурса наряду с манипуляциями медийными технологиями позволило постсоветской правящей элите регулярно получать нужные

результаты на выборах и референдумах, следствием чего стала постепенная дискредитация этих важнейших демократических процедур[2].

Политическое развитие страны после «революции Тюльпанов» условно можно разделить на два этапа:

1. Становление новой политической системы (март – июль 2005 года);

2. Выбор формы правления, укрепление и падение режима К. Бакиева (июль 2005 – апрель 2010 г.);

Первый этап условно ограничен выборами президента Кыргызстана, которые прошли в июле 2005 года. Основная цель данного периода может быть обозначена термином, характеризующим весь этот этап - «легитимизация». Выборы президента были необходимы лично К. Бакиеву и кланам, приведшим его к власти для легитимизации и укрепления его положения, уже не в качестве «исполняющего обязанности», а настоящего, действующего и избранного президента страны.

В это время в Кыргызстане сформировалось несколько кризисных зон:

- резкое ухудшение развития экономики;
- обострение противоречий «север-юг»;
- разрушение взаимоотношений между центром и регионами;
- усиление идеологических дискурсов;
- формирование новой оппозиции;
- кризис гражданского общества[3].

Следует подчеркнуть, что возникновение указанных кризисных зон - это не только следствие событий 24 марта 2005 г. Большинство из них начали формироваться еще при старом режиме. Первоначальная слабость новой власти выступила катализатором большинства указанных явлений. Следует также в полной мере учесть сложности, с которыми столкнулась новая власть - каждая из этих кризисных зон могла сыграть свою негативную роль во время президентских выборов (июль 2005 года) и привести страну к еще большему обострению проблем и непредсказуемым последствиям. Были необходимы быстрые шаги по легитимизации режима.

Наиболее важной проблемой первоочередного характера, которую необходимо было урегулировать, справедливо считалось внесение изменений в Конституцию или подготовку новой. Поэтому сразу несколько политических партий и общественных организаций инициировали предложение об образовании Конституционного совещания, потом оно было создано в расширенном формате.

Данный формат Конституционного совещания позволил обсуждать изменения предусматривающие ограничения некоторых властных полномочий Президента страны, таких как: единоличное право объявлять референдумы и вносить изменения, дополнения и поправки в Конституцию. Вносимые изменения были направлены на усиление самостоятельности и политического влияния премьер-министра и расширение его полномочий при назначении членов кабинета министров. Конституционное совещание обсуждало вопрос о восстановлении первоначальной численности парламента с 75 до

105 депутатов и избрания 2/3 его состава на пропорциональной основе, что было серьезным шагом вперед в развитии системы партийной демократии. К 15 мая 2005 г. был подготовлен вариант Конституции с внесенными в него изменениями и при поддержке гражданских организаций опубликован в средствах массовой информации.

Однако, премьер-министр и одновременно и.о. Президента К. Бакиев продемонстрировал неожиданное для многих участников политического процесса равнодушие к перспективе проведения в стране конституционной реформы и был преимущественно занят подготовкой к выборам Президента Кыргызстана, назначенным под большим давлением на депутатов парламента на 10 июня 2005 года.

Часть политической элиты страны настаивала в это время на проведении немедленной конституционной реформы, и лишь затем допускали возможность проведения выборов легитимного главы государства с новыми полномочиями. Поспешное проведение выборов Президента таило опасность возникновения нового политического кризиса, вызванного обострившимся соперничеством между элитами севера и юга страны. В результате этого противостояния в борьбе за власть Кыргызстан мог потерять свои демократические завоевания. Потребовались неимоверные усилия руководителей так называемой «тюльпановой революции» для заключения договоренностей между двумя признанными лидерами страны о «политическом тандеме» К. Бакиев (юг) - Ф. Кулов (север), и их намерении провести конституционную реформу, чтобы, в конце концов, успокоить демократическую общественность. В результате выборов 10 июня политический тандем победил, набрав в общей сложности около 90% голосов избирателей. Президентом Кыргызстана был избран К. Бакиев, премьер-министром, согласно договору между ними, был представлен президентом и затем избран парламентом – Ф. Кулов [2].

Выборы президента не стали новым этапом в истории страны, поскольку нового радикального качественного переустройства новая власть не предлагала. Во-первых, не была очевидна конструктивная схема движения вперед. Во-вторых, не была заявлена программа социально-экономического развития государства. В-третьих, неизменной осталась кадровая политика. Принципы и методы подбора кадров сохранилась. Многие высокие чиновники прежней акаевской «эпохи» остались на своих местах. Основным содержанием политической жизни стала борьба за реальную власть. Укрепление собственных позиций во власти затмило собой, к большому сожалению, жизненно-важные проблемы - такие как социально-экономическое развитие, укрепление внутринационального и межэтнического единства, борьба с коррупцией и преступностью, в целом поддержка репутации Кыргызстана и укрепление доверия к нему со стороны международного сообщества [4].

Длительная неспособность новой власти выйти из состояния политической эйфории, предложить стране новую повестку дня, мобилизовать на этой основе вокруг себя общество, нежелание решительно проводить демократические и рыночные преобразования, все больше радикализирует кыргызское общество, придает различным политическим силам все больше уверенности в необходимости скорейшего проведения конституционной и политической реформы вплоть до радикального изменения существующей формы правления. Демократические силы страны все больше приходят к убеждению, что президентско-парламентская форма правления уже изжила себя в условиях постсоветской действительности, окончательно исчерпала возможности для развития, завела страну в политический тупик и требует своего немедленного демонтажа. Значительная часть Конституционного совещания, в котором произошел политический раскол между сторонниками парламентской и президентско-парламентской формой правления, выступила с требованием учреждения в Кыргызстане с 2010 г. республики с парламентской формой правления. К январю 2006 г. абсолютное большинство политических партий и гражданских объединений Кыргызстана выступило с требованием проведения референдума и поддержки парламентской формы правления [2].

Этот вопрос находился в эпицентре политических дискуссий. 5 января 2006 г. под давлением демократической общественности, Президент К. Бакиев подписал указ «О мероприятиях по подготовке к референдуму в Кыргызской Республике». Указ предусматривал проведение общенационального референдума по конституционному устройству в четвертой декаде 2006 г., а также проведение разъяснительной работы в обществе об особенностях различных форм правления. Главным вопросам предстоящего референдума значился вопрос об определении формы правления в Кыргызстане. Предлагалось выбирать одну из 3 форм – парламентской, президентской или смешанной.

В ноябре 2005 г. Президент К. Бакиев вынес на всенародное обсуждение свой вариант конституционной реформы, ничего не имевший общего с тем, что обсуждался на Конституционном совещании. Суть его предложений сводилась к косметическому ремонту фасада Конституции. В частности, среди наиболее существенных изменений было введение мажоритарно - пропорциональной системы выборов в парламент, объединение Конституционного и Верховного суда и отмена смертной казни. Эти предложения были подвергнуты резкой критике и осуждены гражданским обществом. Проект не был поддержан и членами Венецианской комиссии Совета Европы, после чего Президент К. Бакиев отказался от своих первоначальных конституционных замыслов. В период обсуждения Конституции по признанию самого К. Бакиева, в его адрес поступило свыше 11 вариантов документа и множество проектных предложений, разработанных разными авторскими коллективами. В обществе шла напряженная работа, ведь вопрос стоял о выборе формы

правления парламентарной, президентской, либо смешанной (полупрезидентской), который сам по себе не является вопросом о том, какая система лучшая. Это вопрос о том, что больше подходит для Кыргызстана с учетом его культуры, истории, экономических, геополитических и внутривнутриполитических условий. Этот выбор должен идти с учетом анализа отечественного исторического опыта, степени зрелости кыргызского общества и итогов 20-летнего развития в условиях обретения государственной независимости.

Основанием для выделения критериев, на основе которых отдается предпочтение той или иной модели, по мнению А. Кынева, должна служить их принципиальная значимость для политической системы страны. Модификация любого из критериев должна вести к изменению системы. При этом главное внимание при выборе критериев следует уделять их влиянию на партийную систему, она отражает важнейшие особенности политического режима. Среди этих критериев А. Кынев выделяет, следующие: 1) специфика избирательной системы и 2) порядок формирования органов власти [5, с. 128].

Конституция должна установить эффективное правление, которое покончит с существующей неопределенностью и безответственностью власть имущих перед народом за судьбы страны. Эффективное правительство должно отвечать конкретным требованиям, и должно быть демократичным. Вероятность того, что избранные должностные лица будут злоупотреблять властью, должна быть минимизирована.

На политической арене Кыргызстана представлены политические деятели, которые имеют демократические намерения, способны мыслить гибко и долгосрочно. Такие люди могут входить в парламент в качестве лидеров политических партий и фракций и эффективно управлять государством. Это, первое, что подталкивает к выбору парламентарной формы правления. Существовавшая система с всенародно избираемым президентом показала, что сильная президентская форма правления является неэффективной и порождает конфликты между президентом и парламентом. Во всем мире считается, что парламентская система представляет собой более поддерживающую эволюционную основу для укрепления демократии по сравнению с президентскими системами. К тому же сложившиеся сегодня международные реалии и геополитическая ситуация не оставляют для Кыргызстана другого выбора, как только демократического.

Президентско-парламентская форма правления способствует уклонению от ответственности и президента, и парламента, когда избиратели не могут определить, кого благодарить или осуждать за проводимую в стране политику, а это приводит к утрате подотчетности избираемых народом государственных органов самому народу. По мнению эксперта З. Курманова, в системе, где президент избирается всенародно, и парламент получают свою власть от народа на всеобщих выборах, сосуществование таких независимых друг от друга органов приводит к конфликтам между ними, которые

могут породить конституционный кризис. В этой системе не существует механизмов для демократического разрешения президентско-парламентских противоречий. Поэтому для того, чтобы эффективно руководить правительством, президент в этой системе вынужден увеличивать свою власть за счет всенародно избираемой законодательной ветви власти, а парламент в такой системе не имеет реального контроля над исполнительной ветвью власти и становится больше палатой для общих дискуссий, чем законотворческим или сдерживающим органом. Эта проблема может быть усугублена тем фактом, что президент, в отличие от парламентарного премьер-министра, является фактически неуязвимым в течение своего срока полномочий.

Президентская система действует по принципу «победитель получает все» [6]. По мнению Ф. Риггса, определение президентской формы правления предполагает четкое разграничение двух ключевых ролей представительного правления: роли главы государства и роли главы правительства. Это различие является основополагающим, поскольку «непрезидентские» системы часто избирали «президентов», которые являлись главами государства, но не главами правительства. Следовательно, понимая под президентской формой правления только те представительные правления, в которых глава правительства избирается на строго установленный срок исполнения полномочий, т.е. он не может быть смещен с поста путем вотума недоверия, выражаемого парламентом [7, с. 102-103].

А. Степэн и С. Скэч считают, чисто президентский режим в условиях демократии представляет собой систему двух независимых друг от друга ветвей власти: и законодательная власть, и высшая исполнительная власть имеют твердые мандаты, полученные от избирателей, т.е. свои собственные источники легитимности [8, с. 52].

З. Курманов считает, что один человек, победив на президентских выборах, получает власть практически над всем обществом и всеми другими политическими силами и лидерами на весь свой срок. Более того, концентрация власти в руках президента не побуждает его формировать коалиции или идти на компромиссы. Всенародное избрание переполняет любого человека, ставшего президентом, ощущением богоподобности и чувством личной миссии, ведет к установлению авторитаризма, семейственности власти и политическому фаворитизму. Соответственно, президентская система враждебна всякого рода общественным компромиссам и соглашениям, которые могут быть необходимыми в процессе демократизации, тогда как коллективная природа парламентской демократии восприимчива такого рода пактам.

Чрезвычайно важным, по мнению критиков, является тот факт, что имманентно президентская система тяготеет к авторитаризму, поскольку принцип мажоритаризма, означающий концентрацию политической власти в руках большинства и очень сильного президента, является преобладающим [9, р. 101]. Также недостатком считается его склон-

ность сосредоточивать власть в руках одной политической или этнической группы. Это может создавать особые трудности в обществах, состоящих из множества религиозных, языковых, этнических, социальных групп. Кыргызстан является собой эту полигамию. Исходя из этого и учитывая все факторы, влияющие на развитие страны, можно сказать, что для Кыргызстана желательной является парламентская форма правления, поскольку парламентаризм имеет множество умеряющих и поддерживающих вовлеченность разных политических сил механизмов, которые помогли молодым демократическим государствам.

М. Шугарт и Дж. Кери характеризуют парламентский режим отсутствием полномочий президента по формированию правительства и полураздельными источниками выживания исполнительной и законодательной ветвей власти [10, р. 26].

По утверждению А. Степэна и С. Скэч, чисто парламентский режим имеет лишь две фундаментальные характеристики: 1) высшая исполнительная власть опирается на поддержку большинства членов высшего законодательного органа и может пасть, если получит вотум недоверия; 2) исполнительная власть (как правила, объединенная с главой государства) имеет право роспуска законодательного органа и объявления досрочных выборов. Сущностью чистого парламентаризма, по их мнению, является взаимозависимость двух ветвей власти.

По мнению З. Курманова, при парламентарной системе действует принцип верховенства парламента. Парламент избирает президента и формирует правительство. Правительство формируется парламентом из числа лидеров партий, располагающих большинством в парламенте. Оно является коллективным органом с высоким уровнем коллегиальности в принятии решений. Премьер-министр считается в большинстве случаев первым среди равных, а Президент на практике почти не оказывает влияния на осуществление государственной власти. Любые действия президента, такие, как право роспуска парламента и вето, могут быть проведены в жизнь только с согласия правительства. Парламентарная система – это система взаимной зависимости: правительство несет ответственность перед парламентом, в случае выражения парламентом недоверия - правительство отправляют в отставку. В то же время исполнительная власть имеет право распустить парламент, в некоторых странах это может сделать премьер-министр, а в некоторых – глава государства, по настоянию главы правительства. Действенность парламента как механизма демократического правления зависит от состава парламента в смысле количества и позиций политических партий, представленных в нем. И, как правило, здесь не действует принцип – «победитель получает все». Парламентарные системы способны большей подотчетности действующего правительства перед народными представителями, ставя исполнителей в зависимость от парламентариев. Это ведет не только к большему общественному контролю над процессом принятия решений,

но также к большей открытости при принятии решений [2].

Х. Линц считает, что парламентские системы по сравнению с президентскими более благоприятны для стабильной демократии, особенно в условиях глубокого политического раскола и наличия значительного числа политических партий, а президентская форма правления «неизбежно чревата серьезными проблемами» [11, р. 13-15]. В целом парламентские системы имеют стабильный демократический порядок, по сравнению с президентскими.

Современная научная литература, анализируя недостатки парламентских систем, выделяет следующие основные моменты: 1) немобильность (необходимость продолжительного времени) процесса принятия решения. Типичным примером такой немобильности, по мнению Г. Искаковой [12, с. 143], является IV Республика во Франции; 2) правительственная нестабильность; 3) слабую подотчетность парламента; 4) склонность к слабому фрагментированному парламента; 5) усиление «правила большинства», присущему президентализму [13, с. 51].

Несмотря на это в то время были конкретные аргументы за введение парламентской формы правления в Кыргызстане. Такие как исторические, социальные, политические, экономические факторы, национальные особенности, тенденции и предпосылки:

- многовековой исторический опыт развития кыргызского народа (многовековое существование первичной демократии), длительное отсутствие централизованного государства, монархии, бюрократии как класса;

- более 150-летний период проживания в составе европейского государства (Россия, СССР). В СССР де-юре существовала парламентская форма правления;

- маленький размер страны (территория) и полигамный состав населения (более 80 народов);

- наличие более 150 политических партий, из которых около 8-10 партий имеют историю существования в 10 и более лет.

- необходимость форсирования процесса политической и экономической модернизации;

- необходимость использования возможностей оппозиции и ее потенциала в разных сферах жизнедеятельности (победитель не должен получать все, как это устроено при президентской модели);

- необходимость стимулирования развития демократической политической системы, политических партий, гражданского общества; преодоления политических последствий трайбализма и регионализма;

- учет разделения страны на Север и Юг, наличие патронально-клановых отношений;

- неограниченная возможность избрания на следующий срок (спикером парламента, премьер-министром, депутатом и т.д.);

- не должно быть одной главной должности. Победит «северный кандидат» – будет недоволен юг, и, наоборот [2].

Таким образом, после событий марта 2005 г. Кыргызстан вновь оказался на поворотном этапе не только своей национальной истории, но, возможно, и истории всего центральноазиатского региона. Пик политической борьбы пришелся на ноябрь 2006 – январь 2007 года, когда подряд были приняты сразу две Конституции, окончательно закрепившие победу К. Бакиева над парламентом, оппонентом Ф. Куловым, ранее влиятельным оппозиционером, которого новая оппозиция, считала «предателем» после союза с К. Бакиевым, и который добровольно ушел в отставку с поста премьер-министра, окончательно потеряв весь политический вес. Также этот период называют «временем не сбывшихся надежд» - то есть время, когда К. Бакиев реально мог пойти по пути развития демократического государства, но предпочел вернуться к акаевским временам, а апрельский период 2010 года для него стал неожиданным, последствия проводимой К. Бакиевым «политика» в сторону «демократии» оказалась очень плачевной и правление режима закончилось в 2010 году с досрочной отставкой под давлением народного волнения, которое оно вошло в историю «кровавым апрельским событием». И все это происходило на фоне роста общественного недовольства из-за низкого уровня социально-экономического развития.

Кыргызстан, вступив тогда в новый этап своего развития, вновь оказался на стартовой позиции пятнадцатилетней давности, крайне нуждаясь в стратегических приоритетах развития на долгосрочную перспективу, призванных обеспечить внутреннюю безопасность и стабильность. Произошел возврат в двукратном размере к типу и системе политического устройства, существовавшего до 24 марта 2005 года, и это не позволяло говорить о каком-либо процессе политической модернизации системы. Слабость, а порой и отсутствие политической - идеология реформ, социальной - принцип взаимной солидарности, экономической - эффективное управление, правовой - верховенство закона, основы реформ привели в последние годы к серьезной деформации общественных и государственных институтов, периодически вызывавшей к жизни нарастающий конфликт между ними. Хотя, в то же время, процесс консервации режима не позволил спровоцировать нескончаемые конфликты президента и парламента, что способствовало определенной политической стабильности в жизни страны, имеющей положительное значение в условиях переходного периода.

С принятием всенародным референдумом 27 июня 2010 года новой Конституции, вместе с тем определив Президента переходного периода Кыргызстана Р. Отунбаевой, поставлена точка в поисках политической модели, и формально она законодательно закреплена как – парламентско-президентская форма правления.

Можно согласиться с мнением исследователей и практиков, что в таких условиях ни один орган не

только не может накопить традиции, но и не сможет вообще полноценно работать. Главное, однако, состоит в другом. Каким бы ни был парламент, из кого бы ни состоял и как бы ни избирался, он должен выполнять не только законодательные, но и контрольные функции, чего в действительности не происходило.

В своем обращении по случаю первой годовщины принятия новой Конституции Кыргызстана в июле 2011 года Президент переходного периода Роза Отунбаева отметила, что главной задачей граждан страны является «сделать невозможным возврат к авторитаризму». Данная ремарка очевидно подразумевала успешное свержение предыдущего авторитарного режима, но, в то же время недвусмысленно указывала на главную угрозу в перспективе.

Главными характеристиками новой политической системы Кыргызстана, которого власть смело называет парламентским правлением, являются многопартийный парламент, коалиционное правительство, созданное партиями и раздельная (разделенная) исполнительная власть. Референдум по конституции в июне 2010 года, парламентские выборы в октябре 2010 и 2015 годов и президентские выборы в октябре 2011 года прошли мирно (несмотря на предсказания обратного), и были в целом оценены положительно. Тем не менее, в контексте насильственных свержений предыдущих режимов в Кыргызстане, а также «пост-революционных» тенденций на Украине и в Грузии встает закономерный вопрос о том, найден ли в Бишкеке устойчивый баланс, или это попросту временное состояние в черед револуций и появления авторитарных режимов. Рассматривая некоторые характеристики политики в Кыргызстане, такие как уровень политической фрагментации в стране и природу нынешнего политического истеблишмента, предполагается, что нынешнюю политическую систему можно охарактеризовать как «беспольный плюрализм» (“feckless pluralism”, термин предложенный экспертом Томасом Каротерсом), и что данная система имеет хорошие шансы прижиться в Кыргызстане [14].

В отличие от событий 2005 года, когда в результате «тюльпановой революции» один президент, А. Акаев, был смещен другим, К. Бакиевым, временное правительство, пришедшее к власти после апрельских событий 2010 года, заявило, что оно отменит институт сильного президента и введет парламентскую систему управления. Несмотря на открыто выраженные многими, в том числе тогдашним президентом России Д. Медведевым, сомнения в этой идее, Р. Отунбаева заявляла, что парламентское правление является подходящим способом предотвращения узурпации власти со стороны будущих президентов. На самом деле, новая конституция, принятая в июне 2010 и изменения на референдуме в декабре 2016 года, не предполагает установление строгого парламентского правления. Президент все еще избирается прямым всенародным голосованием и наделен определенными и немаловажными исполнительными функциями. Тем

не менее, новая конституция привнесла некоторые значимые нововведения, нацеленные на предотвращение усиления одной политической группы.

Во-первых, у президента отобрали определенные, политически важные, исполнительные функции, включая право представлять, назначать и увольнять глав местных властей, или же, играть какую-либо роль в назначениях в кабинете министров. Эти функции переданы парламенту (или правительству, формируемому парламентом). Более того, президент ограничен одним сроком в шесть лет, и должен быть готов сотрудничать с правительством, созданным несколькими партиями. Президент все еще отвечает за вопросы национальной безопасности и вопросы во внешней политике, но играет минимальную роль в экономических и социальных вопросах.

Во-вторых, новая конституция вводит неоднозначное правило, согласно которому ни одна партия не может контролировать более 65 мест в 120-местном парламенте. Данная, потенциально дискриминационная статья появилась как мера предотвращения появления так называемой «партии власти», подобно партии Ак-Жол президента К. Бакиева, способной монополизировать парламент в стиле Единой России в России или Нур Отан в Казахстане.

Парламентские выборы в октябре 2010 года незамедлительно продемонстрировали важность новых правил игры. В отличие от выборов 2007 года, когда партия Ак-Жол выиграла 78 процентов мест в парламенте, на этих выборах сразу пять партий преодолели избирательный порог и получили относительно одинаковое количество мест в парламенте.

Выборы президента в октябре 2011 года стали последним шагом для полной легитимации новой политической системы. Хотя количество первоначально зарегистрированных кандидатов перевалило за 80, главная борьба разгорелась между премьер-министром (на тот момент) А. Атамбаевым и двумя его соперниками, А. Мадумаровым (из партии Бутун-Кыргызстан) и К. Ташиевым (из партии Ата-Журт). В ходе избирательной кампании вырисовалось противостояние по нескольким плоскостям, включая:

- 1) между сторонниками парламентского правления и сторонниками сильной президентской власти;
- 2) между «победителями» апрельских событий 2010 года против деятелей предыдущего политического режима;
- 3) не менее важно, между представителями северной и южной групп политической элиты.

В свете насильственных событий в апреле и июне 2010 года, многие предупреждали о возможной эскалации ситуации, особенно при возможном во втором туре выборов.

Несмотря на это, А. Атамбаев выиграл в первом туре, избрание А. Атамбаева на пост главы государства является результатом активного участия граждан Кыргызстана в выборном процессе и их

желанием стабилизировать политическую ситуацию в стране после длительного периода «турбулентности», связанного с событиями апреля и июня 2010 года.

Вместе с тем, победа А. Атамбаева являлась отражением поддержки граждан, начатым политическим реформам и утверждению стабильности в Кыргызстане. Данную точку зрения поддержал А. Атамбаев своими словами: «Последние выборы показали, что народ выбирает продолжение реформ. Народ, возможно, голосовал не за А. Атамбаева, а за то, чтобы отныне в стране было спокойно, была стабильность и, чтобы народ сам решал свою судьбу. Народ не хочет, чтобы впредь была автократия и деспотия. В Кыргызстане должна быть народная власть» [15].

Из вышеизложенного можно судить, что задача избавления от сильного президента и монополизации политической власти одной группой была, так или иначе достигнута. Тем не менее, зная какие «повороты» имели место в политике Кыргызстана за последние 25 лет, а также наблюдая за нынешними процессами в Украине, можно задаться вопросом о том, насколько устойчива нынешняя политическая система в Кыргызстане. Прогнозировать сложно, но некоторые предварительные выводы можно представить, рассмотрев некоторые факторы, характеризующие нынешнюю расстановку, в частности, социальную и политическую фрагментацию и хищнические интересы политической и бизнес-элиты.

Один тип фрагментации основывается на наличии сильных связей между политиками и их земляками. Как писал политолог Скотт Радниц в своей работе о «тюльпановой революции» 2005 года, в условиях слабого государства политические и бизнес элиты стараются развить сильные клиентелистские отношения с населением конкретных местностей (обычно это родные города и села, а также избирательные округа), тем самым ослабляя влияние государственных институтов. Хотя некоторые элементы ситуации 2005 года, такие как мажоритарная система выборов депутатов парламента, исчезли, связь лидеров политической элиты с населением конкретных местностей остается сильным. Как парламентские выборы 2010 года продемонстрировали, мобилизация голосов для политических партий в Кыргызстане продолжает зависеть от деятельности индивидуальных членов партий на местном уровне.

Политический раскол в Кыргызстане также наблюдается в региональной плоскости. К данному вопросу относятся как к чувствительному и политизированному, но, тем не менее, региональные различия на выборах предоставляют интересную картину. В 2010 году на парламентских выборах партия Ата-Журт получила 20-30 % в южных областях (Баткенская, Ошская и Жалалабадская), а в северных областях – 3-6 % голосов. На президентских выборах А. Атамбаев получил от 80 до 94 % в северных областях, и только 29-44 % – в южных. Разделение имеет место не только по линии север-юг.

Так, партия Ар-Намыс получила от 20 до 28 % в городах Ош, Бишкек и по Чуйской области, но только 4-6 % в Нарынской, Таласской и Баткенской областях, что говорит о разнице между предпочтениями городского и сельского населения, а также в группах с разным уровнем этнической однородности.

Вторым фактором, на котором зиждется разделение политической силы на множественные центры, является природа нынешней политической элиты. Постсоветская политическая элита в Кыргызстане является хищнически настроенной группой, которая видит государственную власть главным образом как источник личного обогащения. Политолог Йохан Энгвалль обрисовал государство в Кыргызстане как инвестиционный рынок, где должности покупаются и продаются. Ограниченность государственных ресурсов и наличие многочисленных разношерстных элитных группировок, ранее вкусивших власть, значительно осложняет распределение ресурсов президентом, как утверждает политолог Эрик Макглинчи в своем анализе свержения режима в 2010 году. Созданные президентами А. Акаевым и К. Бакиевым единые «пропрезидентские» партии неизменно оставляли определенных важных и сильных игроков вне государственной системы, что в какой то мере предопределяло события марта 2005 года и апреля 2010 года. Нынешние многопартийный парламент и коалиционное правительство в данном контексте, возможно являются оптимальным вариантом, обеспечивающим доступ к «пирогу» (государственным ресурсам) наибольшему количеству представителей политической элиты. Как отмечают разные исследователи, члены коалиции большинства не отличаются согласованностью по вопросам государственной политики, но это не помешало им найти компромисс по распределению должностей, и этого оказалось достаточно для сохранения баланса по сегодняшний день.

Политическая система, позволяющая плюрализм и политическую конкуренцию, возможно, является наиболее подходящей для сильно фрагментированного общества Кыргызстана. В свою очередь, усиление местных элит может стать важным барьером против угрозы монополизации власти одной группой. Создавая более сбалансированную расстановку, такая система может также снизить заинтересованность политических групп в радикальных переменах. Эти факторы могут также помешать появлению консолидированного авторитарного правления, о чем могут свидетельствовать недавние свержения власти (в 2005 и 2010 годах). Тем не менее, движения в обратном направлении исключать нельзя. Ухудшение социально-экономической ситуации вкупе со слабым уровнем управления вполне могут ослабить предрасположенность к плюрализму среди большинства населения и/или создать условия для изменения политического режима. Также возможно постепенное усиление одной политической партии, что в дальнейшем может привести к обратным конституционным изменениям, подобно нынешней ситуации в Украине. В

любом случае, на данный момент можно утверждать, что нынешняя политическая система в Кыргызстане слабо влияет на ситуацию с верховенством закона и подотчетностью правительства, что делает плюралистическую систему довольно «сложной» формой демократизации.

Список литературы:

1. Устименко А. «Бархатные революции» на постсоветском пространстве: попытка осмысления // Политическая экспертная сеть – кремль.org. 2005.
2. См.: Курманов З. Особенности политического развития Кыргызстана в постреволюционный период. Проблемы выбора формы правления // «Центральная Азия и Кавказ». - Стокгольм, 2006, № 2(44).
3. Иманалиев М. Развитие политической ситуации в Кыргызстане после 24 марта 2005 года [Электронный ресурс] // Институт общественной политики. – 2007. - режим доступа: www.ipp.kg
4. См.: Предварительный отчет миссии наблюдения ЕНМО по выборам Президента Кыргызской Республики. 11.07.2005.
5. Кынев А. Институт Президентства в странах Центральной и Восточной Европы как индикатор процесса политической трансформации // Полис. 2000, №2.
6. См.: Акунов А.А. Государственное управление Кыргызстана в транзитный период. Б., 1999.
7. Риггс Ф. Сравнительная оценка президентской формы правления // Сравнительная социология. М.: Academia, 1995.
8. Степун А., Скэч С. Различные типы конституционного устройства и укрепление демократии // Демократия 1990-х. – Специальный выпуск журнала «Глобальные проблемы переходного периода». №6.
9. Lijphart A. 1996. *Presidentialism and Majoritarian Democracy // The Failure of Presidential Democracy*. – Baltimore: Johns Hopkins University Press.
10. Shugart M., Carey J. 1992. *Presidents and Assemblies: Constitutional Design and Electoral Dynamics*. Cambridge, New York: Cambridge University Press.
11. Linz J. 1992. *Perils of Presidentialism // Journal of Democracy*. – 1(1). Linz J. 1994. *Democracy, Presidential or Parliamentary: Does it make a Difference?* / Ed. By J. Linz and A. Valenzuela – Baltimore: Johns Hopkins University Press.
12. Исакова Г. Выборы и демократия в Кыргызстане: конституционный дизайн президентско - парламентских отношений. - Бишкек: Бийиктик, 2003.
13. Галиева З. Политическая трансформация суверенного Кыргызстана: динамика и особенности. Бишкек, 2007.
14. Джураев Ш. Устойчива ли новая политическая система в Кыргызстане? Аналитическая записка № 210, ПОНАРС Евразия. Май 2012 года.
15. См.: «А.Атамбаев: 7 апреля 2010 года стало началом конца всех деспотических режимов на планете», ИА «Акипресс», 16.11.2011, [<http://www.akipress.org>].

VOL 1, No 10 (2017)

Scientific Light (Wroclaw, Poland)

ISSN 0548-7110

The journal is registered and published in Poland.

The journal publishes scientific studies,
reports and reports about achievements in different scientific fields.

Journal is published in English, Polish, Russian, Ukrainian, German and French.

Frequency: 12 issues per year.

Format - A4

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal.

Edition of journal does not carry responsibility for the materials published in a journal.

Sending the article to the editorial the author confirms it's uniqueness and takes full responsibility for possible consequences for breaking copyright laws

Chief editor: Zbigniew Urbański

Managing editor: Feliks Mróz

Julian Wilczyński — Uniwersytet Warszawski

Krzysztof Leśniak — Politechnika Warszawska

Antoni Kujawa — Uniwersytet Jagielloński w Krakowie

Stanisław Walczak — Politechnika Krakowska im. Tadeusza Kościuszki

Eugeniusz Kwiatkowski — Uniwersytet Pedagogiczny im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie

Marcin Sawicki — Uniwersytet Wrocławski

Janusz Olszewski — Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Karol Marek — Uniwersytet Medyczny im. Karola Marcinkowskiego w Poznaniu

Witold Stankiewicz — Uniwersytet Opolski

Jan Paluch — Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie

Jerzy Cieślík — Uniwersytet Gdański

Artur Zalewski — Uniwersytet Śląski w Katowicach

Andrzej Skrzypczak — Uniwersytet Łódzki

«Scientific Light»

Editorial board address: Ul. Sw, Elżbiety 4, 50-111 Wroclaw

E-mail: info@slg-journal.com

Web: www.slg-journal.com